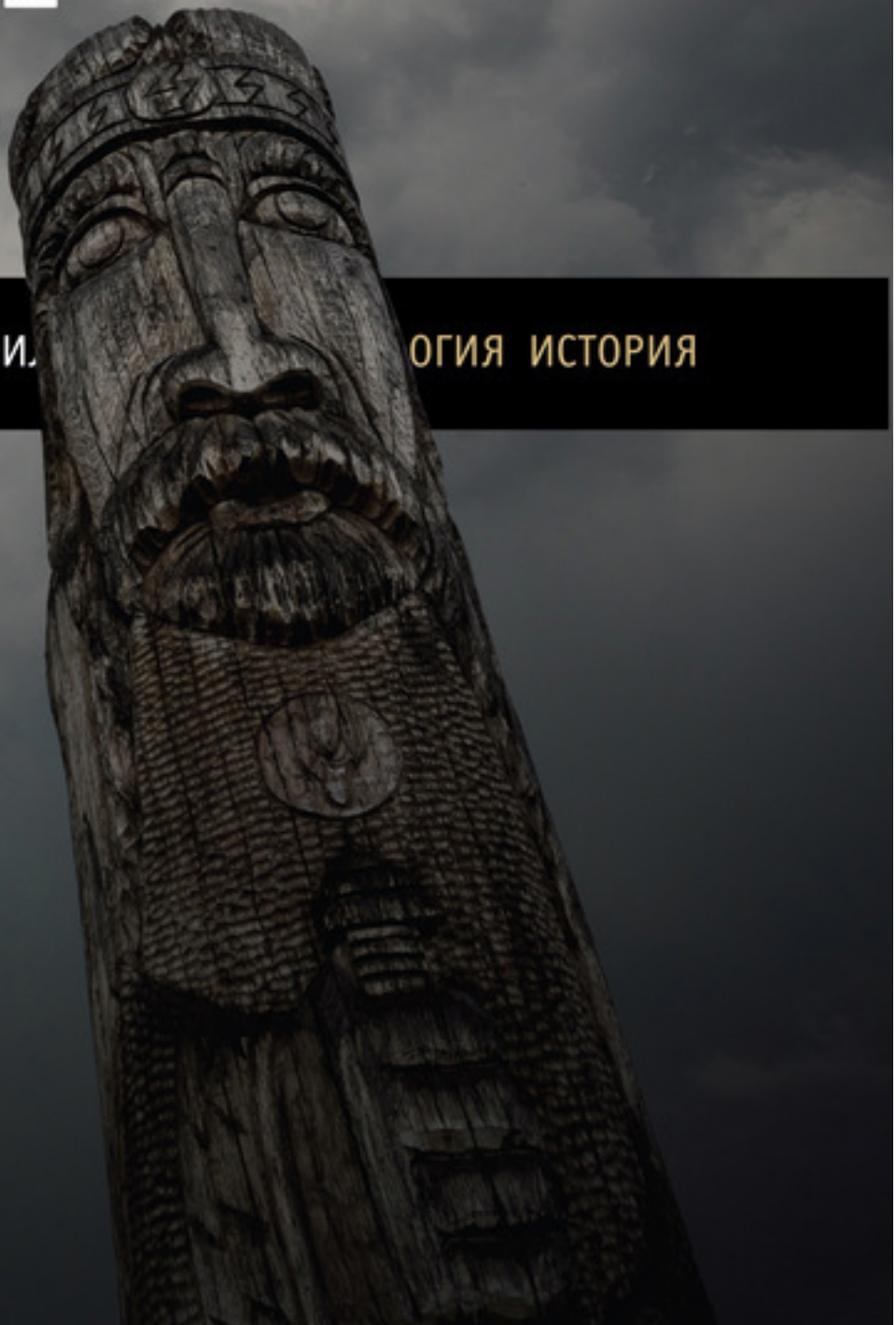
Виктор Шнирельман

Арийский миф в современном мире

Эволюции арийского мифа в России



библиотека журнала

АНТРОПОЛОГИЯ ФИ… ОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный запас

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Виктор Шнирельман

Арийский миф в современном мире

«НЛО»
2015

Шнирельман В. А.

Арийский миф в современном мире / В. А. Шнирельман — «НЛО», 2015 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

В книге обсуждается история идеи об «арийской общности», а также описывается процесс конструирования арийской идентичности и бытование арийского мифа как во временном, так и в политико-географическом измерении. Впервые ставится вопрос об эволюции арийского мифа в России и его возрождении в постсоветском пространстве. Прослеживается формирование и развитие арийского мифа в XIX–XX вв., рассматривается репрезентация арийской идентичности в науке и публичном дискурсе, анализируются особенности их диалога, выявляются социальные группы, склонные к использованию арийского мифа (писатели и журналисты, радикальные политические движения, лидеры новых религиозных движений), исследуется роль арийского мифа в конструировании общенациональных идеологий, ставится вопрос об общественно-политической роли арийского мифа (германский нацизм, индуистское движение в Индии, правые радикалы и скинхеды в России).Книга представляет интерес для этнологов и антропологов, историков и литературоведов, социологов и политологов, а также всех, кто интересуется историей современной России. Книга может служить материалом для обучения студентов вузов по специальностям этнология, социология и политология.

© Шнирельман В. А., 2015
© НЛО, 2015

Содержание

Введение 6
Глава 1 10
Романтизм и индийский соблазн 10
Арийцы и расовая теория 14
«Арийское христианство» 27
Глава 2 32
Идея Севера и становление эзотерики 32
Австрийская ариософия 36
От ариософии и неоязычества к нацизму 41
Глава 3 45
Типы национализма 45
Нацизм и паранаука 48
«Нордический миф» Альфреда Розенберга 50
Нацизм и христианство 54
Юлиус Эвола и неофашистская традиция 57
Свастика – от солярного символа к нацистскому знаку 61
Глава 4 63
Национализм и ностальгия по далекому прошлому 63
«Славянская школа» 65
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Виктор Шнирельман
Арийский миф в современном мире

Введение

Данная книга посвящена изучению процесса конструирования арийской идентичности и бытования арийского мифа как во временном, так и в политико-географическом измерении. Речь идет о том, что, во-первых, в современных условиях всеобщей грамотности формирование этнической идентичности все чаще опирается на научные технологии, во-вторых, научные данные подхватываются и интерпретируются обществом, причем нередко далеко не так, как этого хотелось бы ученым, в-третьих, некоторые научные идеи с благодарностью используются радикальными политиками для мобилизации масс. Иными словами, сегодня, как никогда, научное знание играет огромную роль в общественном дискурсе. Причем общество получает такие знания далеко не всегда напрямую от ученых, а чаще – от посредников-дилетантов или умелых манипуляторов. Это бросает вызов ученым, долг которых состоит в том, чтобы защитить научное знание от псевдонауки и взять в свои руки диалог между наукой и обществом. Сегодня такая псевдонаука представлена, во-первых, дилетантами-литераторами, преследующими коммерческий успех, во-вторых, радикальными политиками, пытающимися навязать обществу арийский миф для реализации своих политических программ, в-третьих, эзотериками и неоязычниками, создающими на наших глазах новые религиозные культы и обряды. Вместе с тем в ряде случаев к арийскому мифу прибегают властные структуры в целях выработки привлекательной национальной идеологии, как это происходит, например, в ряде государств Центральной Азии. В этом случае мы имеем дело с политикой идентичности. Поэтому сегодня речь идет уже не о едином арийском мифе, а о разных его модификациях, преследующих разные цели. Такие модификации, их социально-политический контекст и смысловое разнообразие и составляют научную проблему, заключающуюся в том, что в мире постмодерна политические или интеллектуальные концепции, сформированные в одном контексте, нередко попадают в совершенно иное социальное пространство, где могут радикально менять свой смысл и использоваться для иных целей. Поэтому в современном глобализирующемся мире для оценки концепции недостаточно ограничиваться знакомством с ее исконным вариантом, а необходимо учитывать ее контекстуальную вариативность.

Цель данного исследования состоит не только в изучении происхождения и эволюции арийского мифа, но прежде всего в анализе его вариативности, которая касается как его смыслового содержания и интерпретаций, так и политического использования в самых разных этнополитических контекстах. Другая задача состоит в том, чтобы проследить процесс конструирования новых идентичностей путем использования научных данных, образовательных программ, организации новых праздников, возведения памятников древним предкам, создания новых музейных экспозиций. Третья задача связана с изучением образа врага, который выковывается современным «арийским мифом», причем и здесь выявляется определенная контекстуальная вариативность, заслуживающая особого внимания.

Арийская идея возникла и вначале развивалась в XIX в. как сугубо научный проект. Затем во второй половине XIX в. она была подхвачена шовинистами и расистами и начала служить империализму, колониализму и расовой дискриминации. Своего логического завершения она достигла в политике германских нацистов, использовавших ее для оправдания геноцида. Казалось бы, в мире после Холокоста места ей не осталось. Однако мир эпохи постмодерна парадоксален и таит в себе немало неожиданного. Рубеж XX–XXI вв. подарил

арийской идее вторую жизнь, и ее подхватили националисты во многих новых государствах постсоветского пространства. Вместе с тем современный арийский дискурс отличается многозначностью. Сегодня арийство служит не только орудием шовинизма и дискриминации, но и лозунгом борьбы за самобытность и защиты местной идентичности. А смена контекста нередко наполняет лозунг иными смыслами, и то, что выглядело справедливым вчера, оказывается опасным и даже неприемлемым сегодня. Именно эту траекторию описала арийская идея в Индии, где в последней четверти XIX в. она была подхвачена реформистским и антиколониальным движением «Арья Самадж», а в конце XX в. стала служить радикальному политизированному индуизму, сеющему вражду и насилие.

К сожалению, Индия в этом не одинока. В данной работе я проанализирую причины популярности арийской идеи на всем пространстве Евразии, где интерес к ней проявляют очень многие этнонационалисты – русские, украинские, осетинские, армянские, таджикские, чеченские, татарские, азербайджанские, туркменские, казахские, узбекские и даже якутские, бурятские и корейские. Кое-где она остается маргинальной, а кое-где подхватывается и пропагандируется властями. Местами она привлекает лишь дилетантов, озабоченных поисками далеких предков своего народа, а местами ей уделяют внимание ученые, считающие ее подходящим языком для обсуждения вопросов отдаленного прошлого. Однако повсюду она служит интересам национализма, придавая ему искомую историческую глубину и наделяя славными предками.

Что же делает арийскую идею столь привлекательной? Смысл термина «ариец/арья» до сих пор вызывает у специалистов споры. Если одни связывают его прежде всего с социальным статусом («благородный», «знатный») (Thapar 1989–1991: 262; 1996: 19; Bhatt 1999: 75; Ratnagar 2007: 354), то для других он означает религиозно-лингвистическую идентичность (Thapar 2000c: 606; Nandi 2001: X; Anthony 2007: 11), а для третьих – этническую (культурно-языковую) принадлежность (Фрай 1972: 42; Бонгард-Левин, Ильин 1985: 130; Вайнберг, Ставиский 1994: 14, 194; Пьянков 1988: 103; 1995: 43, 46–52; Грантовский 2007: 396–397; Кузьмина 2008: 9 – 10, 30; Trautman 1997: XII). Некоторые подчеркивают, что вначале к ариям относилась небольшая социальная группа богатых и знатных, поклонявшихся Индре, но затем их название было перенесено на более крупную общность и территорию ее обитания (Sharma 1993: 4). Наконец, имеются и основания полагать, что первоначальный соционим позднее превратился в этноним (Шукуров, Шукуров 1996). Действительно, рассматриваемый термин был многозначным и с течением времени его смысл менялся (Trautman 1997: 12–14; Ratnagar 2007: 354).

Этнонационалисты с благодарностью принимают все эти объяснения, и для них «арийцы» оказываются не просто особой этнической группой, но такой, которая отличалась необычным творческим потенциалом и в силу этого была способна к ведению победоносных войн, захвату и заселению новых земель и покорению местного населения. Тем самым она естественным образом обретала власть над другими, получала высокий социальный статус и оказывалась «благородной». Все это становилось возможным благодаря ее высоким техническим и культурным достижениям, и поэтому арийцы едва ли не с самого начала рисовались носителями высшей культуры и цивилизаторами. С развитием физической антропологии во второй половине XIX в. к этому добавился еще один немаловажный элемент – расовый облик. Так «арийцы» оказались особой расой, и теперь их успехи стали объясняться якобы имманентно присущими им биологическими качествами, передающимися генетическим путем.

Вместе с тем уже на рубеже XIX–XX вв. в разных политико-культурных контекстах принадлежность к «арийству» понималась по-разному. Если индусы склонны были считать «арийцами» именно себя, то в Европе и США это место было зарезервировано за «нордической расой». В результате чиновники в США отказывались причислять индийцев к «арий-

цам», а нацисты преследовали цыган как «неарийцев». Единства не было даже среди ученых. Если для одних термин «арийцы» звучал как синоним для «индоевропейцев» («индогерманцев» в Центральной Европе), то другие вкладывали в него более узкий смысл и связывали его только с «индоиранцами» или, еще уже, «индоариями»[1]. Эхо этих былых дискуссий докатилось и до нашей эпохи. Но сегодня арийский дискурс стал много богаче и разнообразнее.

До недавнего времени в нашей науке проблема идентичности не стояла, ибо считалось, что человек автоматически наследует идентичность от своих родителей. Это утверждалось паспортной системой, закреплявшей за человеком этническую идентичность пожизненно. Сегодня ситуация кардинально изменилась. На это оказывают влияние, во-первых, изменения в паспортной системе, во-вторых, общий процесс демократизации, в-третьих, происходящая на наших глазах глобализация. Тем самым людям не просто предлагается выбор, но человек нередко оказывается в разных контекстах, требующих от него делать этот выбор вновь и вновь. Мало того, многолетние этногенетические исследования, открывающие картину множественности предков, предоставляют богатый набор предков для такого выбора. Поэтому в широком смысле актуальность проблемы определяется необходимостью научного анализа того, как и почему люди делают этот выбор. В узком смысле речь идет о ситуации с арийской идентичностью, которую навязывают обществу разного рода идеологи в разных этнополитических контекстах и с разными целями. Благодаря упорной пропаганде, ведущейся радикально настроенными идеологами, арийская идентичность становится в России все более популярной. К ней обращаются не только русские и осетины, но также татары, башкиры, чеченцы, буряты, саха (якуты) и даже российские корейцы. Этот процесс требует глубокого анализа. Следует изучить, что именно понимается под арийской идентичностью в разных контекстах, в каком виде и какими способами она предлагается обществу, насколько она популярна в разных социальных кругах и насколько различные группы готовы к ее восприятию. Важно понять, кто именно и с какими целями навязывает людям арийскую идентичность и что именно делает ее привлекательной в глазах ее адвокатов и популяризаторов. Наконец, в связи с нацистскими ассоциациями необходимо ответить на вопрос, насколько сегодня опасна арийская идентичность. Все это делает проблему актуальной не только для конкретной области знания, но для общества в целом.

В отечественной науке арийский миф практически никогда не анализировался (если не считать немногочисленных заказных работ 1930 – 1940-х гг., направленных против расизма в целом), не говоря уже о его современных разновидностях и арийской идентичности. Что касается зарубежной науки, то до сих пор специалисты изучали в основном процесс формирования арийского мифа в его западном ареале и, как правило, ограничивались эпохой XIX в. Некоторые авторы исследовали арийский миф в нацистской Германии. Появились работы об арийском мифе в Индии. Однако эволюция арийского мифа в России и особенно его возрождение в постсоветском пространстве остаются почти полностью неизученными[2]. Такая проблема поставлена в данном исследовании практически впервые. Также впервые исследуется вариативность арийского мифа на постсоветском пространстве. Арийский миф изучается как, во-первых, псевдоисторический нарратив, во-вторых, основа новых идентичностей, в-третьих, праворадикальная идеология, в-четвертых, основа для ксенофобии и расизма, в-пятых, важный атрибут новых религиозных (неоязыческих и эзотерических) обрядов и культов, в-шестых, мифопоэтический сюжет, вдохновляющий ряд литераторов, поэтов, художников и музыкантов.

---

[1] Интересно, что греческие авторы эпохи эллинизма вначале отличали ариан/ариев от парфян, бактрийцев, согдийцев и даже скифов. Но позднее это представление о различиях было утрачено (Пьянков 1995: 48–50).

[2] Эту тему специально рассматривала только французская исследовательница М. Ларюэль, но лишь в применении к XIX в.

В настоящем исследовании проводится комплексный междисциплинарный анализ, сочетающий диахронный и синхронный подходы. Используются подходы, разработанные для анализа социальной памяти и формирования национальной идентичности. Арийский миф рассматривается как дискурс, включающий как представления о предках, так и проект будущего переустройства общества. Анализируется его бытование в нескольких социальных сферах – в науке, в интеллектуальных кругах (литература, журналистика), в политике и в религиозной жизни. При этом показывается их взаимосвязь и перелив идей из одной сферы в другую. В работе применяются исторический подход (анализ возникновения и динамики арийского мифа), сравнительные исследования (анализ специфики арийского мифа в разных этнокультурных средах), дискурсивный анализ «арийских представлений», методы культурной антропологии (включенное наблюдение, анализ культурной символики и культурных практик), а также качественный анализ прессы, художественной литературы, общеобразовательных материалов и ряда научных публикаций.

При анализе разнообразной художественной литературы акцент делается не на высоких образцах интеллектуальной мысли, а на популярных произведениях, предназначенных для массового читателя. Ведь именно такие произведения, как это признано рядом специалистов, с одной стороны, отражают, а с другой – формируют общественное мнение (Пайпс 2008: 75; Биберштайн 2010: 23).

Работа состоит из нескольких частей. Во-первых, с опорой на западную историографию анализируется история формирования и развития арийского мифа на Западе в течение XIX – первой половины XX в. Во-вторых, проводится исследование арийского мифа в России. Это включает его историю начиная с XIX в., его современное бытование как в интеллектуальном дискурсе (СМИ, художественная литература, программы и заявления радикальных политических движений), так и в практике политических радикалов и, наконец, его этнополитическую вариативность на местах, где он используется для выковывания новых идентичностей. Анализируется ксенофобское содержание арийского мифа. В-третьих, определенное внимание уделяется роли арийского мифа в контексте неоязыческих и эзотерических учений в России и на Украине. В-четвертых, рассматривается формирование новых национальных идентичностей в постсоветских государствах Центральной Азии, где образ предков также включает апелляцию к «арийской древности». В-пятых, анализируются особенности формирования и бытования арийского мифа в Индии начиная со второй половины XIX в.

Глава 1
Рождение и эволюция арийского мифа

Романтизм и индийский соблазн

База современной науки закладывалась в XVIII в., когда справедливые сомнения в надежности библейской традиции, с одной стороны, порождали поиски в самых разных направлениях и вели к становлению научных дисциплин, но, с другой, способствовали появлению самых нелепых теорий, одно время имевших широкий спрос у любознательной европейской публики. Именно в 1777–1778 гг. французский астроном аббат Жан-Сильвен Байи поделился с Вольтером своими фантазиями о существовании древнейшей цивилизации в Сибири, куда ее создатели пришли якобы из Арктики (Байи 2003). Но еще большей популярностью пользовалось представление о происхождении высокой культуры из Индии, о чем наперебой тогда сообщали философы, натуралисты и писатели. В этом контексте Библия виделась вторичным источником, отраженным светом, доносившим в искаженном виде обрывки древней мудрости, исходившей когда-то из Индии. В конце XVIII в. это поветрие, позволявшее успешно отвергать поднадоевший иудеохристианский миф, не оставило равнодушными даже таких титанов мысли, как Кант и его ученик Гердер.

Отчасти речь шла о формировании новых основ европейской идентичности: христианская идентичность отступала, сменяясь национальной, а затем – расовой. Отчасти же можно говорить о сопротивлении эмансипации евреев, которой настоятельно требовала наступавшая эпоха. В этом плане и надо понимать причины нападок на иудаизм, которыми полна европейская литература рубежа XVIII–XIX вв. и первой половины XIX в. В писаниях ряда европейских интеллектуалов это выражалось в решительном отказе от поиска своих корней на Ближнем Востоке. Однако это вовсе не подрывало их убеждения в том, что истоки генеалогии лежали в таинственных экзотических странах Азии, где с упоением искали то «благородного дикаря», то «мудрого философа». Там же усматривали и источник «первобытного монотеизма», впоследствии пережившего упадок, искаженного и давшего начало политеистическим религиям. Так европейская мысль и открыла для себя «арийского человека» (Поляков 1996: 198–203).

Одним из первых философов, кто был очарован Индией и видел в ней источник человеческой мудрости, был Вольтер. Он полагал, что именно там возникла древнейшая (ведическая) религия и именно туда за выучкой ездили египетские жрецы и китайские мудрецы. Основываясь на рассказах иезуитов, он даже верил в то, что в Древней Индии существовала монотеистическая традиция, предшествовавшая христианству и насчитывавшая не менее 5 тыс. лет[3]. А так как в Библии об Индии ничего не говорилось, это помогало вольнодумцу Вольтеру поставить под сомнение христианскую истину и всячески поносить иудеев за их «предрассудки» и «иррационализм». Это также позволяло ему заявить, что европейцы ничем не обязаны древним израильтянам, которые, по его убеждению, многие из своих священных знаний просто украли у арийцев, библейских Гога и Магога. Кроме того, сопоставление «исконных ведических источников» с современной ему Индией привело Вольтера к идее о деградации, которую якобы испытали арийцы в Индии (Figueira 2002: 10–18). Лишь позднее было установлено, что, на свою беду, Вольтер излишне доверился поддельному тексту, созданному в своих целях иезуитами (Trautmann 1997: 72).

[3] Эту идею он взял у британских авторов второй половины XVIII в. (Trautmann 1997: 65–66).

И. – Г. Гердер тоже не избежал индийского соблазна. Но он шел еще дальше и делал примыкающие к Северной Индии высокие горы прародиной всего человечества. Хотя он никогда не бывал в Индии, он наделял индийцев всеми возможными добродетелями, видя в них идеал «благородного дикаря». Однако, восхищаясь Индией, он ценил ее поэзию больше, чем ведическую литературу. Ведь в поэзии он усматривал подлинную «душу народа». Зато он с пессимизмом смотрел на перспективу открытия исконных религиозных текстов, полагая, что дошедшие до нас были сильно модифицированы и искажены в ходе истории. Подобно Вольтеру, он был убежден в деградации пришельцев, попавших в Индии под влияние местных племен с их примитивным тотемизмом (Гердер 1977: 305–310. Об этом см.: Figueira 2002: 19–22).

В Германии все это дополнялось национальным романтизмом, в контексте которого, по словам итальянского фольклориста Дж. Коккьяры, сперва «благородный дикарь уступил место добродетельному народу», а к середине XIX в. такой народ превратился в «арийцев» и «наших предков» (Коккьяра 1960: 199, 298). Этот скрупулезный историк фольклора отмечал, что «для романтиков прошлое – вершина горы, с которой они озирают мир; гора эта – их собственное прошлое (их народа), к нему они обращаются как к идеальному убежищу на все случаи жизни» (Коккьяра 1960: 204). Вместе с тем это убежище не решало всех проблем, и романтизм наделял немецкого человека амбивалентной судьбой. С одной стороны, на нем лежала общечеловеческая миссия, возвышающая его над всеми окружающими; но, с другой, ему якобы грозила опасность быть распятым своими соседями и, прежде всего, евреями. Такого мнения придерживался, например, известный немецкий философ И. Г. Фихте (Rose 1992: 10).

Иными словами, вызревание «арийского мифа» происходило в Европе параллельно с нарастанием антисемитских настроений, поначалу направленных против иудаизма как якобы резко ограничивавшего свободу и культивировавшего жестокость. Тогда даже основанная интеллектуалами еврейского происхождения «Молодая Германия», стоявшая за эмансипацию евреев, требовала, чтобы евреи отказались от всего «еврейского», коренившегося в иудаизме. Этим и следует объяснять негативное отношение к еврейству молодого Маркса, воспитывавшегося в такой атмосфере и фактически воспроизводившего идеи видного деятеля «Молодой Германии», журналиста Людвига Бёрне (Rose 1992: 14–17).

Социальная напряженность, нараставшая в обществе в ходе модернизации, выражалась не только в общественных настроениях и политической борьбе. Как это ни странно, она находила место даже в научных представлениях, на первый взгляд не имевших ничего общего с текущими социально-политическими процессами. Пресловутый «еврейский вопрос» оказывал подспудное влияние на интерпретацию древней истории, где, вдохновленные открытием таких новых дисциплин, как индоевропеистика и семитология, некоторые ученые XIX в. обнаруживали в древности оппозицию между семитами и арийцами, оказывавшимися едва ли не антиподами.

Начало их мифическому соперничеству положили схоластические богословские споры о том, на каком языке говорили Адам и Ева. Если святой Августин с уверенностью называл еврейский язык древнейшим языком всего человечества, то еще в IV–V вв. у него находились оппоненты, отдававшие пальму первенства каким-либо иным языкам. Этот спор оживился на рубеже Нового времени, когда некоторые образованные европейцы, включая Г. В. Лейбница, не только искали самостоятельный исток германских языков, но и доказывали, что этот первобытный язык мог своей примитивной структурой и древностью успешно соперничать с древнееврейским (Olender 1992: 1–2). Дольше всего традиционный взгляд на исконность древнееврейского языка поддерживала церковь.

Но уже в конце XVII в. основатель библейской критики Ришар Симон прозорливо усмотрел за фасадом языкового спора нарождающуюся национальную идею: «Нации

борются за свои собственные языки». Сто лет спустя Гердер подчеркнул, что «каждая древняя нация хочет видеть себя перворожденной и представить свою территорию местом формирования человечества» (цит. по: Olender 1992: 3–4). Кроме того, за языковыми спорами скрывалась идея «национального характера», вера мыслителей той эпохи в то, что язык выражает нечто глубинное, подсознательное, которое описывалось как «душа народа». Все эти идеи обнаруживались еще у Гердера.

Европейская научная мысль развивалась в XVIII–XIX вв. сложным путем. Вначале европейские ученые пытались отодвинуть индоевропейскую прародину как можно дальше от Ближнего Востока – пусть и далеко на восток, лишь бы она не совмещалась с прародиной «семитов». И только много позднее она в их трудах переместилась в Европу, отражая растущую притягательность принципа автохтонизма. Вот как это происходило.

Хотя догадки о родстве европейских языков с армянским и иранским высказывались и до него, англичанин Уильям Джонс стал тем человеком, кто, основательно изучив санскрит, первым заявил о единстве индоевропейских языков, положив начало не только индоевропеистике, но в целом сравнительно-историческому языкознанию (этому не мешало то, что он сделал несколько ошибочных языковых сближений). При этом, подобно многим своим современникам, он идеализировал арийцев, видя в них необычайно талантливый народ, обладавший богатым воображением и глубокими знаниями о мире. Он был убежден в том, что они щедро делились своей мудростью с другими, включая греков (Trautmann 1997: 37–38, 47–52, 59–61; Olender 1992: 6; Figueira 2002: 22–23). Вместе с тем, давший первое научное чтение индийских Вед, Генри Томас Коулбрук рисовал глубокую пропасть, разделявшую древних арийцев и население современной ему Индии, где не осталось и следов от исконной «монотеистической религии», которую он приписывал арийцам; зато появились идолопоклонничество и варварские обряды, отсутствовавшие у древних (Figueira 2002: 23–25).

Это добавило очарования Древней Индии, причем не столько в Англии, где практические знания о ней и снобизм колонизаторов сдерживали буйную фантазию[4], сколько в Германии, где кабинетные размышления, помноженные на национальный романтизм, открывали двери самым головокружительным теориям. Так и родился «арийский миф», авторство которого принадлежит известному немецкому мыслителю-романтику Фридриху Шлегелю, первому переводчику санскритских текстов на немецкий язык. Воспевая миф и поэзию, Шлегель призывал учиться у древних, понимая под этим Древнюю Индию и видя в ней начало всех начал. Примечательно, что, отдавая должное ценности национальной культуры, этот эрудит и либерал демонстрировал космополитизм; он выступал против свойственной его эпохе крайней германомании и стоял за эмансипацию евреев (Поляков 1996: 206; Коккьяра 1960: 210–211; Goodrick-Clark 1998: 32). Воспевая мудрость и красоту Индии, где ему так и не удалось побывать, Шлегель выводил оттуда все великие нации, включая египетскую цивилизацию. Движущей силой этого беспримерного похода он называл бродячих проповедников, якобы объятых стремлением очиститься от некоего страшного греха, что и заставило их покинуть благословенную родину и отправиться на далекий север. Шлегель положил начало романтической традиции, представлявшей санскрит источником всех остальных индоевропейских языков. Вместе с тем он был убежден в том, что изначальные ведические знания были безвозвратно утрачены. Поэтому для изучения их следов он предлагал полагаться исключительно на факты языка (Godwin 1993: 38–39; Figueira 2002: 30).

Если в XVIII в. некоторые мыслители допускали, что Моисей мог «украсть» свои знания из Египта, то в начале XIX в. в развитие идей Вольтера им на смену пришли еще более нелепые идеи, выводившие иудаизм из индийского брахманизма. Начало этой экстравагант-

[4] О том, как в Англии индомания быстро сменилась индофобией, см.: (Trautmann 1997: 99 – 130).

ной версии положили немецкие ученые Йозеф Гёррес и Фридрих Крёзер (Figueira 2002: 32). В 1824 г. во Франции стал выходить ультраконсервативный журнал «Католик», стремившийся привязать веру Моисея к Индии (Поляков 1996: 217). А позднее эту идею подхватила Е. Блаватская.

В начале XIX в. немецкий филолог И. Х. Аделунг поместил библейский рай на территории Кашмира. Он наградил Адама и Еву «прекрасными европейскими формами» и древнейшим языком, подозрительно напоминавшим тот, который вскоре был назван «арийским». Затем полемизировавший с ним И. Г. Роде перенес Эдем в горы, где берут свои истоки Амударья и Сырдарья и откуда якобы и расселялись «арийцы» (Поляков 1998: 139–140).

Все это – разумеется, крайности. Но, даже избегая их, многие респектабельные авторы той эпохи, включая таких известных философов, как Шеллинг, Шопенгауэр и Гегель, склонялись к принятию индийской генеалогии. При этом вслед за географом Карлом Риттером, подчеркивавшим сходство санскрита с древненемецким, многие немецкие мыслители склонны были тогда верить в то, что именно германцы, в отличие от других народов Европы, напрямую происходили от древних арийцев (Figueira 2002: 33).

Арийцы и расовая теория

Тем временем происходило становление индоевропеистики как науки о языках. Причем если в Англии Томас Янг ввел в 1813 г. термин «индоевропейцы», то в Германии с ним соперничал термин «индогерманцы», предложенный К. Мальте-Бруном в 1810 г. и подхваченный Ю. фон Клапротом в 1823 г. Одновременно в Германии популярность получил термин «арийцы», связанный с именем француза А. Анкетиль-Дюперрона, первооткрывателя Авесты, вначале применявшего его только для мидян и персов. Более широкое значение ему придал все тот же Ф. Шлегель, связавший его с великим «народом-культуртрегером» (Поляков 1996: 208–209; Olender 1992: 11; Godwin 1993: 39; Goodrick-Clark 1998: 32). А еще раньше Гердер и А. Л. фон Шлёцер начали использовать термин «семиты», применяя его вначале только к группе языков.

Проблема быстро вышла за пределы языкознания. Ведь за языком исследователи того времени видели вслед за Гердером культуру, народ и даже «расу» (но последнее – уже вопреки Гердеру, протестовавшему против деления человечества на отдельные расы). Лингвистические реконструкции стали использоваться для изучения культуры и истории древних народов, их философии, религии и социальной организации. Мало того, одно время санскрит называли древнейшим индоевропейским языком, а Веды воспринимали как собрание текстов древнейшей религии индоевропейцев, едва ли не как «арийскую Библию». «Арийское» начало сперва отождествляли с древними индийцами и античными греками, а «семитское» – с евреями. Но затем «арийство» получило расширительный смысл.

При этом если в свое время Ф. Шлегель приписывал немцам «прямоту, искренность, твердость, исполнительность и глубину, сочетавшиеся с некоторой наивностью и неуклюжестью» (Коккьяра 1960: 211), то вскоре это было перенесено на «арийцев» в целом. Имея в виду широкое географическое пространство, занимаемое индоевропейцами, им приписывали неизбывную волю к переселениям и путешествиям, а также страсть к инновациям, тогда как в семитах видели неповоротливый косный народец, приверженный своим консервативным ценностям и противящийся каким-либо изменениям. С этой точки зрения, индоевропейский политеизм виделся много привлекательнее семитского монотеизма. Лишь формирование более строгих научных подходов во второй половине XIX в. позволило пересмотреть эти ранние представления, хотя тогда их все еще разделял такой родоначальник семитологии, как Э. Ренан (Olender 1992: 9, 12, 54–56).

В целом вся первая половина XIX в. прошла в Европе под знаком индомании[5]. Именно тогда стало модным противопоставлять Зороастра Моисею и утверждать, что семиты заимствовали философию и религиозные представления у индогерманцев, на чем, например, настаивал немецкий индолог Христиан Лассен, ученик братьев Шлегель. Этот автор первым стал противопоставлять арийцев семитам, воспевая арийцев как «наиболее организованный и наиболее творческий народ», разносивший высокую культуру и в силу этого имевший право подчинять себе аборигенов (Поляков 1998: 141–142; Godwin 1993: 39). В середине XIX в. Яков Гримм включил эту версию в свои учебники по литературе и истории, благодаря чему широкая немецкая публика и узнала об «арийцах» и «арийской славе». Примечательно, что их движение на запад вслед за солнцем Гримм объяснял «непреодолимым побуждением» (Поляков 1996: 212–214).

Тем временем сравнительное языкознание переживало период бурного развития. В 1814–1818 гг. датчанин Р. Раск включил в состав индоевропейской семьи исландский язык, в 1816 г. немец Ф. Бопп окончательно обосновал родство санскрита с рядом европейских

[5] Например, о британской индомании см.: (Trautmann 1997: 62–98).

языков, в 1820 г. русский исследователь А. Х. Востоков доказал родство славянских языков, в 1820 – 1830-х гг. швейцарец Адольф Пикте обогатил индоевропейскую семью кельтскими языками, а в 1836–1845 гг. немец Ф. Диц положил начало романской филологии. На этой основе к середине XIX в. сложилось научное направление, стремившееся реконструировать особенности первобытных культур и образа жизни их носителей, исходя из фактов языка.

В русле этого направления индомания быстро пошла на убыль, и взгляды многих ученых надолго оказались прикованы к Европе. Теперь в центре споров встал вопрос о том, надо ли видеть центром формирования индоевропейцев Центральную Европу или же степную полосу Восточной Европы. Первое решение отстаивал бывший филолог Г. Коссинна, ставший археологом, а второе казалось более правдоподобным лингвисту О. Шрадеру. Имелись и иные суждения. Например, Р. фон Лихтенберг искал прародину арийцев на Пиренейском полуострове.

Впрочем, во второй половине XIX в. во Франции и, в меньшей степени, в германских странах получила развитие гипотеза о том, что исконные арийцы расселялись с территории Средней Азии или, точнее, из Согдианы или Бактрии. Так, например, считали Ю. фон Клапрот, Анри Мартен, Х. Лассен, А. де Гобино, Ф. Макс Мюллер, А. Пикте, Ф. Ленорман, А. де Катрефаж, Ш. Э. Уйфальви, Ж. де Морган. Эта идея, в особенности, оживилась в 1890-х гг., после того как в Синьцзяне были обнаружены тохарские рукописи. Она дожила до Первой мировой войны, когда английский археолог Дж. Майерс все еще отождествлял ранних индоевропейцев со степняками-скотоводами Средней Азии.

В те годы главными героями такого рода исследований были, разумеется, первобытные арийцы. А одним из первых, кто взял на себя трудоемкий труд по реконструкции их образа жизни, социальной организации, обычаев, религии, был швейцарец А. Пикте, называвший свой метод лингвистической палеонтологией и посвятивший этому свою трехтомную работу. Он воспевал арийцев как «одаренную расу», полную внутреннего совершенства и наделенную огромной творческой энергией, позволившей ей вести успешные завоевания. Он называл ее «самой могучей расой на земле» и верил, что она была призвана править миром. Мало того, он оправдывал завоевание Индии англичанами тем, что «европейским арийцам» предназначалось самим Провидением вернуться в Индию и принести своим братьям высшую цивилизацию. Кроме того, Пикте видел первобытных арийцев солнцепоклонниками и приписывал им исконный монотеизм, возникший, тем самым, вне связи с семитской традицией. Он также отдал дань выстраиванию оппозиции «арийцы/евреи», где евреи наделялись исключительным консерватизмом и нетолерантностью, а арийцы – способностью к творческому развитию и открытостью. В его схеме они выглядели антагонистами без какой-либо возможности компромисса (Olender 1992: 95–99, 102–104). Идеи Пикте оказали большое влияние на его современников, среди которых были такие известные ученые, как востоковед и филолог Э. Ренан и физический антрополог А. де Катрефаж.

В частности, концепцию Пикте популяризировал французский историк Ф. Ленорман, чья книга, написанная в 1860-х гг., представляет для нас особый интерес, так как она была издана на русском языке и стала одной из первых, где детально рассматривалась «арийская проблема». По Ленорману, прародиной арийцев являлась Бактриана, откуда их отдельные племена и расселялись как на запад, так на юг и восток. Ленорман свободно обращался с термином «раса», не различая биологические и культурные признаки. Для него «раса» была культурно-исторической категорией. Кроме того, он называл индоевропейцев как «ариями», так и «яфетической расой» – все это означало для него одно и то же. Ссылаясь на Пикте, он рисовал ранних индоевропейцев кочевыми скотоводами, знавшими лишь самое примитивное земледелие. В то же время он превозносил их исконную религию, связывая ее с единобожием, якобы наделявшим их «нравственным превосходством» над соседями. Правда, он сетовал на то, что позднее наблюдался упадок и они перешли к пантеизму. Он также опи-

сывал борьбу ариев с туранцами, в которых видел угро-финнов и тюрков, отождествляя их со скифами (Ленорман 1878: 125–169). В последней четверти XIX в. такие взгляды были популярны у русских интеллектуалов, интересовавшихся Востоком.

К середине XIX в. в европейской науке уже выкристаллизовались идеи о «расовой устойчивости», «неравенстве рас», «борьбе рас» и предназначении одной расы (разумеется, «белой») к господству над другими. Пищу для этого давала все та же Индия, раннюю историю которой связывали с приходом светлокожих арийцев, установивших господство над местными темнокожими обитателями. В конце XIX в. к этому добавилось новое представление о гиксосах, завоевавших Египет в 1670 г. до н. э. Если ранее вслед за египетским жрецом Манефоном ученые отождествляли их с пришельцами из Леванта, то теперь английский египтолог Фрэнсис Гриффиц увидел в них «древних арийцев». А затем авторитетный археолог Флиндерс Питри назвал их выходцами с Кавказа (Silberman 1989: 137–152)[6].

Но вплоть до конца XIX в. само понятие «расы» оставалось еще рыхлым; иногда под этим скрывались социальная группа или класс. Например, Ф. Шеллинг предполагал, что классовые различия могут быть не менее глубокими, чем расовые. Он был убежден в превосходстве «белой расы», но был не в силах назвать причину этого: то ли она изначально обладала «высшими качествами», то ли в ходе истории «цветные расы» претерпели «вырождение». В конце жизни Шеллинг пошел еще дальше. Он увидел в колониальной эпохе развитие естественного процесса, в ходе которого «высшая (яфетическая, прометеева, кавказоидная) раса» реализовала свою миссию мирового господства, тогда как остальные расы были обречены на рабство или вымирание. Примечательно, что он избегал антисемитизма и рассматривал евреев как «представителей чистого человечества» (Поляков 1996: 256–257).

Столь же однозначно человеческая история трактовалась в системе Гегеля: человеческий дух рождался в далекой Азии, следовал путем солнца и находил свое завершение у германских народов в Европе. Африка оставалась за скобками: там обитал «естественный человек», не способный ни к какому развитию или самосовершенствованию. Уже у Гегеля звучала мысль о якобы особых свойствах германской крови. Но еще более четко она выражалась в сочинениях некоторых его современников и последователей, живших идеей насилия, якобы способного кардинально преобразовать человечество. Одни (Л. Окен, В. Менцель, Г. Клемм) прославляли войны, другие (М. Штирнер) говорили о революции в нравственности, третьи (К. Маркс) грезили социальной революцией. Но никого из них идея расы не оставляла равнодушной. Европейский («арийский») человек представлялся им венцом творения, и будущее человечества они связывали именно с ним.

В любом случае все больше авторов Центральной Европы начали отдавать пальму первенства «тевтонской расе», то есть германцам. Их наделяли самыми завидными качествами – благородством, великодушием, высокой нравственностью, способностью к творческому мышлению, художественным даром, политическими талантами, страстью к завоеваниям и пр. Начало этому положил граф А. де Гобино, который в своей книге «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855) приписал все эти качества «арийцам», сделав тех флагманом всего человечества, создателями древних цивилизаций. Именно их он изобразил «избранной расой», «детьми богов». Едва ли не первым Гобино наделил их светлой кожей, белокурыми волосами и голубыми глазами. При этом он воспевал их физическое совершенство, ссылаясь на лучшие произведения древнегреческих скульпторов. Вместе с тем, отображая в своей книге пессимизм старой аристократии, клонившейся к неизбежному упадку, Гобино не только прославлял «арийцев», но и пытался объяснить причины их гибельной участи, сводя их к «расовому смешению», якобы ведущему к «дегенерации». Примечательно, что Гобино с восхищением писал о евреях как о «сильном и мудром народе,

[6] Раскопки их столицы Авариса в 1980-х гг. убедительно доказали их связь с Левантом.

искусном во всем, за что ни возьмется» (Гобино 2001). Так что «отец европейского расизма», придававший особую ценность «единству по крови», отнюдь не страдал антисемитизмом, чего нельзя сказать о его многочисленных последователях[7].

Книга Гобино не произвела никакого впечатления на республиканскую Францию, но нашла живой отклик у немецких интеллектуалов, переживавших этап романтического национализма и мечтавших о грядущей германской славе. Ведь, по Гобино, именно германцы сохранили арийскую кровь в наиболее чистом виде. Существенно, что история и культурология привлекали Гобино не как источник познания, а как урок и предостережение для современного ему мира. Иными словами, он писал свою книгу не для специалистов, а для широкой публики, предлагая ей расовый миф как универсальный ключ к пониманию сути общественного развития. Действительно, научности в его произведении было мало. В своем описании Индии Гобино основывался на книге Х. Лассена, исказив многие ее положения и вычитав оттуда то, чего там не было (Figueira 2002: 70–71). По словам Коккьяры, «хотя Гобино и считал себя этнологом, из его сочинения совершенно ясно видно, что о том, что такое первобытные народы, он не имел ни малейшего представления» (Коккьяра 1960: 298).

Однако публика думала иначе. К позитивному восприятию книги Гобино немцы были подготовлены Шопенгауэром. Если Гегеля всецело занимал «германский дух», то А. Шопенгауэр, следуя Фихте, не меньше внимания уделял его антиподу. Он противопоставлял Ветхий Завет Новому и, испытывая влечение к буддизму, полагал, что Новый Завет имел индийские, то есть «арийские», корни. Впрочем, и истоки христианства в целом он искал в Индии, полагая, что в дальнейшем иудеи лишь исказили его смысл. Иными словами, в его работах живительное христианское учение отрывалось от своего иудейского корня и обнаруживало истоки в совершенно иной «расовой среде». Ведь евреев он считал «чуждой ориентальной расой». Это позволяло Шопенгауэру отвергнуть иудейское наследие Ветхого Завета как «чужеродное». Он призывал Европу очиститься от «еврейской мифологии» и обратиться к добродетелям индийцев, якобы сохранивших мудрость предков во всей ее первозданности (Поляков 1996: 264–265; Rose 1992: 95). Шопенгауэр еще не использовал термины «арийство» и «семитизм», но сама идея их конфронтации выглядела в его работах достаточно отчетливо. Он одобрял эмансипацию евреев, но обвинял их в «паразитизме» и полагал, что их путь в будущее возможен только через ассимиляцию и отказ от иудаизма (Rose 1992: 92).

Арийский миф увлекал не только философов, востоковедов и этнологов. Благодаря Гобино он стал широко обсуждаться образованной публикой и даже вдохновлять некоторых германских революционеров. Своеобразным примером синтеза революционных идей, фольклора и музыки, пропущенных через горнило арийского мифа, было творчество известного немецкого композитора Рихарда Вагнера. Активный участник революции 1848 г., после ее поражения Вагнер проникся германской идеей, и с тех пор его национализм был окрашен в расовые тона. И если вначале для антисемитских настроений ему вполне хватало христианских источников, то затем он вдохновился расовым подходом, который, как ему казалось, давал более глубокое понимание сути окружающего мира. Он увлекся германским фольклором, веря, что обращение к идеалам германской древности может открыть путь к будущей германской свободе. С тех пор он пытался воплотить в своих операх идеал борьбы за социальную справедливость, направленной против буржуазного общества. При этом положительными героями опер неизменно становились «германцы-арийцы», тогда как их антиподам придавались «семитские» черты, отождествлявшиеся со всем отвратительным, что было в обществе бюргеров. Так социалистические идеи со временем превратились у Вагнера

[7] О Гобино см.: (Biddiss 1970; Гофман 1977; Поляков 1996: 250–255).

в навязчивое желание очистить Германию от евреев. Все это метафорически отображалось в цикле о Нибелунгах, задуманном композитором еще в конце 1840-х гг. (Rose 1992: 68–72). Однако кристаллизация этих мыслей наступила позже, когда Вагнер открыл для себя Шопенгауэра (1854 г.), а затем в 1870-х гг. познакомился с книгами Дарвина. Труд Гобино он прочитал только в 1880 г., хотя был лично знаком с французским мыслителем с 1876 г. Зато в 1870-х гг. Вагнер регулярно получал антисемитские книги и брошюры от их авторов, открывших ему заинтересовавшие его нюансы расовой теории (Katz 1986: 105–106).

Свою идеологическую платформу Вагнер изложил в статьях 1877–1881 гг., где, развивая арийскую идею, писал о различиях между «нашим Спасителем» и «племенным богом Израиля», о «еврейской антирасе», о «загрязнении германской крови» и деградации современных христиан, а также о необходимости вернуться к «арийскому христианству». От критики разложившегося христианства он переходил к обличениям современного буржуазного мира, якобы зараженного «иудейским духом». Он призывал к «возрождению расы», что требовало избавления не только от «духа иудаизма», но и от самих «иудеев». При этом он мечтал об Освободителе, видя его прообраз в Зигфриде. Все эти настроения он пытался передать в своей последней опере «Парсифаль», призванной стать метафорой возрождения «арийской расы» (Katz 1986: 107–109, 117; Rose 1992: 141–166).

Свой вклад в развитие арийского мифа внес и Фридрих Ницше. Вступив в спор с учеными-санскритологами, он доказывал, что термин «арья» означает вовсе не «благородный», как думали многие его современники, а «богатый» или «владелец». Это якобы открывало истинную натуру арийцев, призванных «владеть», то есть быть «хозяевами» и «завоевателями». Но он понимал и опасность этого: ведь, заселяя новые земли и покоряя местное население, арийцы рано или поздно смешивались с ним и претерпевали деградацию, теряя свои исконные славные качества. Он полагал, что так когда-то случилось в Европе, но верил, что индийские арийцы счастливо избежали морального и физического упадка. Он считал «Законы Ману» древнейшей книгой человечества и приводил их в пример как непревзойденный арийский кодекс морали и социального порядка. Причем этот порядок основывался на кастах с их эндогамным принципом, то есть предполагал генетическое наследие. Поэтому, чтобы преодолеть беды современного ему общества, Ницше предлагал вернуться к иерархии и кастовому строю, в рамках которого только и мог сформироваться человек будущего, «арийский сверхчеловек». Наилучшим путем к этому он считал выведение новых рас искусственным путем, что в те годы уже получило название евгеника (Figueira 2002: 50–57). При этом, опираясь на «Законы Ману», Ницше игнорировал все иные индийские источники. Ему вполне хватало этого древнего кодекса, чтобы создать свой миф об «арийском Золотом веке».

Ницше представлял немцев «людьми Севера», плохо приспособленными к христианству. Его заботило моральное состояние немцев, пребывавших в растерянности в обстановке быстрой модернизации, охватившей Германию в последней четверти XIX в. Он считал, что им следует собрать в кулак всю свою волю и проявить твердый характер, чтобы выжить в стремительно меняющемся мире. Мягкая позиция христианства, призывавшего к состраданию в отношении слабых и несчастных, для этого явно не годилась. Поэтому Ницше его отвергал как религию, направленную против арийских ценностей и обрекавшую сильных на поражение со стороны слабых (Ницше 1997а: 283; 1997б).

Примечательно, что приверженность Ницше принципу крови вовсе не породила в нем склонность ни к расизму, ни к антисемитизму (Ионкис 2009: 237–241). Напротив, он считал евреев самым сильным и «расово чистым» народом Европы и верил в то, что самое многообещающее потомство происходит от браков арийцев с евреями (Ницше 1997а: 371). В частности, он полагал, что смешение германцев со славянами, кельтами и евреями благотворно повлияло на германскую душу. Однако, позитивно относясь к евреям как к народу, Ницше

осуждал иудаизм и выросшее из него христианство. Кроме того, он считал евреев имитаторами и посредниками и отрицал за ними творческие способности. Он ставил им в пример арийцев, которые, не полагаясь на Бога, сами создали для себя свод законов и ввели социальную иерархию. Поэтому именно арийцы, в глазах Ницше, являлись прирожденной «расой господ», призванной править всеми другими. Идеалом ему служили брахманы, чуждавшиеся низкорожденных (Figueira 2002: 58–60).

Ницше оживил и миф о гипербореях, живущих суровой жизнью в северных льдах. Якобы это закаляло характер: метафоры «льда» и «холода» превращали северян в людей несгибаемой воли и обещали им в будущем власть над миром. Фактически образы гипербореев и арийцев сливались у Ницше в представлении о сверхчеловеке с его неутолимой «волей к власти». Холод, власть и индивидуализм делались маркерами идеального человека будущего (Франк 2011). Позднее эти метафоры были с благодарностью подхвачены нацистами и до сих пор воспроизводятся неонацистами.

Во второй половине XIX в. «арийский миф» был введен в высокую науку востоковедом и германофилом Эрнестом Ренаном и лингвистом-индологом Фридрихом Максом Мюллером. Ренан отдавал должное свершениям двух «великих рас» («арийской» и «семитской») в истории, связывая их только с «цивилизованными народами» (Olender 1992: 59–60). Однако этот миф оставался на позициях христианской историософии, когда речь заходила о будущем: подобно иудаизму, «семитская раса» уже полностью сыграла свою роль, и в будущем ей места не находилось – там царствовали одни «арийцы»; именно им предназначено было стать «хозяевами планеты». При этом на стороне «арийцев» были «возвышенные идеи», а «семитов» фатально подводил их «ужасающе простой ум». По словам Ренана, семиты ничего не дали и не могли дать миру, кроме монотеистической религии. Как заметил Поляков, в своем творчестве Ренан употреблял термины «семитская раса» и «еврейский народ» как синонимы, тогда как «арийцы» нередко выглядели эвфемизмом для германцев. Тем самым Ренан открыл шлюзы для лавины вторичной литературы, посвященной противостоянию «арийцев» «семитам» (Поляков 1996: 222–225).

Среди таких авторов выделялся плодовитый, но забытый ныне писатель-эзотерик Луи Жаколио, служивший французским консулом в Калькутте. Он создал миф о допотопной всемирной теократии с ее столицей Асгартхой («город Солнца»), которая была позднее захвачена «брахманами-арийцами»[8]. Отвергая амбициозные, на его взгляд, претензии христианства, Жаколио обнаруживал истоки Библии в горах Индии, и его книгами зачитывались как Е. П. Блаватская, так даже Ницше (Гудрик-Кларк 1995: 235; Godwin 1993: 81–82, 86; Figueira 2002: 53; Андреев 2008: 52). Однако Макс Мюллер называл его книгу «Библия в Индии» «самой тупой… какую я знаю» (Поляков 1996: 228).

Примечательно, что для Макса Мюллера исторические и филологические штудии отнюдь не имели отвлеченного характера. Он пытался вернуть европейцам их древнее наследие в надежде на то, что это поможет им решить ряд современных проблем и навести порядок во внутренней жизни (Figueira 2002: 34, 38). Занимаясь в основном лингвистикой и мифологией, Макс Мюллер резко отделял арийцев от семитов и туранцев, с которыми, по его мнению, они не имели ничего общего. В отличие от своих предшественников и ряда современников он не находил никаких сходств между древней арийской и древней семитской религиями – в далеком прошлом пути арийцев и иудеев, по его мнению, нигде не пересекались. Макс Мюллер еще не знал, где именно располагалась прародина «арийской расы». Он помещал ее условно где-то в горах Центральной Азии, откуда древние арийцы и расселялись: одни – на запад, другие – на юг. При этом он резко противопоставлял одних дру-

[8] Затем миф о расположенной под землей Асгартхе-Асгарде, открывавшейся только посвященным, развивал эзотерик Сент-Ив д'Альвейдр.

гим: именно первые обладали необходимыми навыками для прогрессивного развития, тогда как вторые отличались пассивностью и созерцательностью. В то же время он однозначно включал индийцев в состав «кавказоидной (яфетической) расы»[9], относя потемнение кожи на счет местного климата. Будучи сторонником теории завоевания, Макс Мюллер описывал, как пришлые арийцы покорили местных дасью, которых он называл туранцами, приписывая им скифский язык. Он верил, что от этих арийцев происходили брахманы, тогда как племенное население и неприкасаемых он связывал с потомками дасью (Trautmann 1997: 196–197). Мало того, он постоянно подчеркивал различия между исконными арийцами, когда-то пришедшими в Индию, и их далекими потомками, пережившими разложение и деградацию и перешедшими от первичного монотеизма к идолопоклонству и кастовому обществу. В индуизме он видел искажение исконной арийской религии (Thapar 1996: 5–6; Figueira 2002: 36, 39–43). Во всем этом, как отмечает Д. Фигейра, он был «последним аватаром романтизма в области лингвистики» (Figueira 2002: 47).

Тем не менее Макс Мюллер был далек от расизма. В молодые годы он, во-первых, писал об «арийском братстве», имея в виду европейцев и индийцев, а во-вторых, не видел никакого вреда в расовом и культурном смешении. Напротив, он полагал, что в Индии это пошло на пользу арийцам и их культуре. Он доказывал, что для прогресса цивилизации вовсе не обязательно заставлять местных обитателей переходить на язык и культуру пришельцев. Напротив, тесные мирные взаимоотношения создавали основу для успешного развития. Тем самым, раса вовсе не служила определяющим фактором в судьбе людей. Макс Мюллер всю свою жизнь выступал против дискриминации индийцев (Trautmann 1997: 176–178). Однако при этом именно он освятил своим авторитетом отождествление языка с расой, и ему наука второй половины XIX в. обязана популярностью представления об «арийской расе». Об этом сам он горько сожалел в последний период своей жизни, отмечая, что говорить об «арийской расе» – все равно что говорить о «брахикефальной грамматике» (Коккьяра 1960: 313; Поляков 1996: 229–230; Thapar 1996: 6; Figueira 2002: 44–46).

Эти сожаления были вызваны необычайной популярностью «арийской идеи» во второй половине XIX в., когда она использовалась в очень разных сомнительных учениях. Например, она сыграла немалую роль в становлении теософии, основательница которой Е. П. Блаватская превозносила санскрит и объявила «арийскую расу» ведущей на Земле, с которой якобы связано будущее человечества. В ее учение вошли такие положения, как отождествление санскрита с праиндоевропейским языком, наделение расы внутренними имманентными свойствами, прославление арийцев как «высшей расы», выведение Библии из брахманизма, представление о «расовой деградации» и неизбежном вымирании «отживших свое рас». Правда, в ее понимании «арийцы» были более широким понятием, чем «белая раса».

Что касается Ренана, то, постоянно используя термин «раса», он относился к нему неоднозначно. Он полагал, что лишь в глубокой древности раса была безусловным «физиологическим фактом». Однако, благодаря последующим историческим процессам, она утратила связь с кровью и стала ассоциироваться с языком, религией, законами и обычаями. Так основой расы сделалась «духовность», оттеснившая кровь на задний план. С этой точки зрения в современности, где господствовал политический принцип общности, даже понятие «лингвистическая раса» теряло всякий смысл. Однако все это не упраздняло расовую иерархию, ибо за пределами «цивилизованного мира», то есть Европы, раса сохраняла прежний характер. Поэтому Ренан провозглашал принцип «расового неравенства» (Olender 1992: 58–63). Этот республиканский подход к расе, получивший своеобразное выражение в рабо-

[9] Впервые термин «яфетические» для европейских языков ввел в 1767 г. Джеймс Парсонс.

тах Г. Лебона о «расовой душе», или «ментальности» (Тагиефф 2009: 65–67), разделялся во Франции даже крайними националистами типа Мориса Барреса.

Как бы то ни было, в 1860-х гг. деление на «арийцев» и «семитов» «уже составляло часть интеллектуального багажа образованных европейцев» (Поляков 1996: 274). Это разделение основывалось на лингвистических критериях, но в работах немалого числа авторов оно содержало и расовые коннотации. Одним из первых резкие культурные различия между «арийцами» и «семитами» подчеркнул все тот же Ренан. Заслуги «семитов» он ограничил музыкальными способностями и монотеизмом. По всем остальным позициям они фатально проигрывали «арийцам», главным достоинством которых было то, что, обладая богатым воображением, язычники глубоко понимали окружающую природу. Это дало им возможность открыть научные принципы и встать на путь быстрого прогресса, тогда как приверженность монотеизму иссушала мысль и тормозила развитие «семитов» (Olender 1992: 63–68).

Начало второй половины XIX в. ознаменовалось появлением сомнений в единстве индийцев и европейцев, на чем, как мы видели, настаивали филологи. В Англии такие сомнения начал высказывать бывший военный медик Джон Кроуферд, долгие годы служивший в Юго-Восточной Азии и Северной Индии. Указывая на существенные физические различия между обитателями Индии и Европы, он не мог поверить в то, что у них когда-то имелись общие предки. Он также доказывал, что смешанные браки могут принести вред цивилизации. Вопреки Максу Мюллеру, с которым он спорил, раса для него означала судьбу (Trautmann 1997: 180–181).

Проявляя наивность молодости, физическая антропология на первых порах отдала дань преклонению перед «арийцами» с их якобы естественным превосходством над всеми остальными, что не в последнюю очередь определялось привходящими политическими факторами. Так, уже хрестоматийным стал пример с одним из основателей французской антропологической школы А. де Катрефажем, настолько шокированным варварством прусской армии во время Франко-прусской войны, что в споре с патриархом немецкой антропологии Рудольфом Вирховом он попытался исключить пруссаков из числа «арийцев» и приписал им «финское или славяно-финское происхождение» (Поляков 1996: 279–280; Field 1981: 208–209). Но еще хуже оказывалось «еврейское происхождение», и в последней четверти XIX в., когда антисемитизм в Германии был на подъеме, некоторые этнологи, востоковеды и антропологи приписывали семитам отсутствие творческих способностей и называли их деградировавшей ветвью «белого ствола» (Поляков 1996: 293–294). Другие обращались к культурологии и натурфилософии для обоснования якобы вечного характера оппозиции «семиты/арийцы». Во второй половине XIX в. ряд востоковедов – Э. Кине, А. Вармунд, Э. Ренан, Ю. Лангбен, – делавших акцент на связи культуры с окружающей природной средой, противопоставляли «народы пустыни» с их якобы хищническим отношением к природе «народам лесов», обожествлявшим ее и стремившимся к ее сохранению. Так, немецкий востоковед Адольф Вармунд противопоставлял «зрелую еврейскую расу» «молодой арийской». Первой он приписывал неутолимую страсть к перемене мест, унаследованную якобы от предков-кочевников, а вторую связывал с оседлым народом леса. В свою очередь это давало ему основание обвинять «народ пустыни» в потребительском хищническом отношении к природе, тогда как «народ леса» вызывал у него только восхищение своим духовным эстетическим взглядом на природу. Этой схемой воспользовался немецкий экономист Вернер Зомбарт, стремившийся показать, как хищническое отношение к природе переносится «народом пустыни» на социальные взаимоотношения. Позднее эта парадигма вошла в концепцию «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга, противопоставлявшего «арийскую психологию» «еврейской» (Поляков 1996: 305–309).

В то же время к концу XIX в. возросший авторитет физической антропологии заставил с большей осторожностью подходить к трактовке сложных связей между языком, мышлением и физическим типом. На рубеже веков некоторые специалисты уже начали воспринимать тезис об «арийском происхождении» как новый миф (Поляков 1996: 286). Итоги научных исследований второй половины XIX в. были подведены Айзеком Тайлором в получившей широкую известность популярной книге «Происхождение арийцев» (1889). Он попытался синтезировать данные, накопленные к тому времени лингвистами, физическими антропологами, археологами и фольклористами. Его главной целью было доказательство отсутствия жестких связей между языком и физическим типом, и он упрекал лингвистов в лице Макса Мюллера за их неосторожный и поспешный вывод об общности происхождения народов, говорящих на «арийских языках». Он отмечал, что даже современные народы Европы, несмотря на родство языков, существенно отличаются друг от друга физическими признаками, причем эта биологическая разнородность местного населения отмечалась по меньшей мере с неолитических времен. Он отстаивал положение о том, что в ходе истории народы могли переходить с языка на язык, тогда как физический тип был гораздо более устойчивым. Тем самым, убеждение в единстве «арийской расы», якобы объединявшей все индоевропейские народы, оказалось в корне ошибочным. Подобно ряду других исследователей Тайлор доказывал, что местом происхождения арийских языков могла быть европейская равнина, то есть «арийцы» были в Европе автохтонным населением, а вовсе не пришельцами.

Вслед за французским физическим антропологом Полем Брока Тайлор связывал этнические признаки с физическим типом, а не с языком, и в этом понимании основу этнологии составляла физическая антропология, а не лингвистика. Соответственно, исконные арийцы означали некую расовую группу, которая со временем поделилась своим языком со всеми, кого она встречала на своем пути. Примечательно, что портрет первобытных арийцев, рисовавшийся самыми разными источниками, разительно отличался от их восприятия романтиками. Они вовсе не выглядели «высшей расой»: у них не было ни государства, ни монументальных сооружений, ни науки, ни монотеизма, ни сколько-нибудь развитой мифологии (Тайлор 1897).

Вместе с тем, как отмечает Т. Тротмен, Тайлор до того сузил значение понятия «арийской (белой) расы», что оно стало пригодно для политизации. Ведь теперь речь шла о небольшой группе «белого населения», которая успешно разносила свой язык по всему миру и передавала его другим «более слабым расам», заменяя их собственные «менее совершенные» языки. Так арийская идея оторвалась от представления об индоевропейской общности, но подверглась расиализации, сохранив образ культуртрегеров (Trautmann 1997: 186–187). Иными словами, язык потерял роль основополагающей скрепы, определяющей родство всех индоевропейцев, и превратился в формальный малозначимый фактор. Зато в этом качестве его сменило родство по крови, и на первый план выступил (этно)расовый показатель. Соответственно, физическая антропология заняла то место, где прежде всецело властвовала лингвистика. Следствием этого стало исключение индийцев из состава «арийской расы», и Индия утратила свою привлекательность в качестве возможной прародины «арийцев». С тех пор взоры тех, кто занимался поисками такой прародины, обратились к Европе.

Теперь прямое отождествление языка с физическим типом сохранилось лишь в околонаучной, публицистической и художественной литературе. Но некоторые пытались тесно связать расу с религией, причем это не было чуждо и Тайлору. В этом контексте, где «арийство» иной раз отождествлялось с христианством, теологический спор христианства с иудаизмом принимал уже расовый облик (Поляков 1996: 278–279). Примечательно, что по мере того, как христианская историософия теряла универсальность и замыкалась в клерикальных кругах, ее центральная идея о необычайной живучести еврейского народа продолжала

сохранять свою убедительность для тех, кто теперь апеллировал к науке. Эта живучесть и приспособляемость, завораживая одних и пугая других, в любом случае требовала объяснений. Ряд натуралистов указывали на врожденную живучесть, другие – на умение сохранять свою кровь «чистой» или вообще на могущество еврейской крови, третьи – на способность к акклиматизации, четвертые – на космополитизм. Вне зависимости от этих споров многие считали евреев созданными иначе, чем все другие люди. Но если для одних это означало близкий конец еврейства, то другие, напротив, предрекали ему необычайный успех. Некоторые авторы усматривали в этом опасность для окружающих. Однако дальнейший прогресс науки позволил квалифицировать все такие взгляды как атавизмы прежних суеверий (Поляков 1996: 300–303).

Как бы ни дистанцировались специалисты от крайностей, в конце XIX в. представление о неравенстве рас считалось основанным на «научных фактах». Поэтому и без жесткой связи с языком «арийская идея» продолжала соблазнять определенную часть физических антропологов, увлеченных краниологией. В 1840 г. швед Андерс Ретциус ввел такое понятие, как «головной указатель», позволившее ему разделить население Европы на долихокефалов и брахикефалов. По его мнению, первые значительно превосходили вторых по своим способностям. Из них-то и состояли «передовые (арийские) народы», тогда как брахикефалы определялись как «туранцы» и связывались с отсталостью (Поляков 1996: 282).

Несмотря на осторожные возражения основателя немецкой антропологической школы Рудольфа Вирхова, это представление надолго закрепилось в науке. При этом ряд немецких ученых связывали «арийцев» с северными немцами, которым была свойственна долихокефалия, тогда как некоторые французские авторы, напротив, отождествляли «арийцев» с брахикефалами, ибо большинство французов принадлежали именно к этой группе. Разумеется, каждая из сторон доказывала, что именно ее предки сделали Европу цивилизованной (Поляков 1996: 282–286). Участвуя в этом споре об историко-культурной роли брахикефалов и долихокефалов, Тайлор доказывал, что первые выказывали больше способностей к цивилизации. Поэтому он делал исконных арийцев брахикефалами, противопоставляя «благородную расу арийцев» «отвратительным дикарям» с их длинноголовостью. Тевтонцам он отказывал в принадлежности к «детям света» (Тайлор 1897).

Некоторые авторы, подобно французскому антропологу Полю Топинару, искали компромиссного решения. По его мнению, хотя белокурые долихокефалы и покорили брюнетов-брахикефалов, затем они слились в единую нацию. С этим не соглашался Ж. Ваше де Ляпуж, связывавший закат былого величия Франции с приходом к власти долихокефалов-арийцев. Вслед за Гобино он скорбел по упадку «арийской расы», ибо, на его взгляд, брахикефалы-туранцы были способны только повиноваться и с готовностью искали себе новых господ. Он видел в истории «борьбу рас» и предсказывал массовую резню, которую якобы способны вызвать пусть и небольшие различия «головного указателя». Выход он находил в евгенических мероприятиях, ибо, на его взгляд, лишь они могли остановить расовую войну (Тагиефф 2009: 117–119).

Своей вершины арийский миф достиг в конце XIX в. в книге Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основания девятнадцатого века» (1899). Чемберлен не был ни историком, ни физическим антропологом. В его жизни все было запутано: сын британского адмирала, он провел детство во Франции, а вся его сознательная жизнь прошла в Германии, и он считал себя «немцем»; готовясь стать ботаником, он так и не защитил диссертацию и предпочел заниматься свободным писательским трудом. Он был зятем Рихарда Вагнера и входил в Общество Гобино и в Новое общество Вагнера, отличавшиеся германским шовинизмом. Ему благоволил кайзер Вильгельм II, находившийся под большим впечатлением от его книги.

Больше всего Чемберлена занимал вопрос о расе, но четкого научного понимания этого феномена у него не было: «раса» для него означала то биологическую общность, то состоя-

ние умов, то историко-культурную категорию, то религиозную группу. Он использовал понятия «индогерманцы», «индоевропейцы», «арийцы» и «тевтонцы» как синонимы. Причем в категорию тевтонцев он включал германцев, кельтов и славян, полагая, правда, что германцы сохранили «арийскую кровь» в наиболее чистом виде. При этом он был убежден в том, что «форма головы и структура мозга имеют решающее влияние на форму и структуру мышления» (цит. по: Field 1981: 154–155, 191). В то же время состоянию ума он придавал гораздо большее значение, чем языку или физическим чертам. А процесс развития и будущее интересовали его много больше, чем происхождение рас. Например, он писал: «Если бы было доказано, что в прошлом никакой арийской расы не было, мы ее увидим в будущем; для людей дела – это очень важный момент» (Field 1981: 220; Figueira 2002: 76). Иными словами, за его расовой риторикой скрывалась забота о сплочении германской нации и стремление обеспечить ей политическое превосходство в мире, и именно ради этого он любовно выстраивал свой грандиозный расовый миф.

Поставив своей целью нарисовать тридцать веков человеческой истории, Чемберлен сумел воплотить в своей книге лишь малую часть задуманного. Однако ему и этого хватило, чтобы на 1200 страницах показать глубокий расовый конфликт между «арийцами» и «семитами», якобы пронизывавший всю известную человеческую историю. При этом, хотя он обращался к массе самых разных источников, путеводной звездой ему служили труды расовых мыслителей и антисемитов, ибо, как замечает Дж. Филд, «его ум не воспринимал нерасовых построений» (Field 1981: 173).

Всю историю Чемберлен сводил к развитию и упадку рас: каждая культурная эпоха была творением доминирующей человеческого типа. При этом стержнем мировой истории рисовалась «расовая борьба». Чемберлен всячески превозносил тевтонскую, или арийскую, расу, изображая ее создательницей всех известных цивилизаций. Ее врагом он называл «расовый хаос», регулярно возникавший, если люди забывали о фундаментальных расовых принципах. Причем главными разрушителями порядка и цивилизации он показывал «семитов». Вслед за Гобино он доказывал, что смешение с «чужаками», то есть примесь «чуждой крови», неизбежно ведет к «расовому упадку» и деградации. Примечательно, что такое смешанное население, способное служить только «антинациональным» и «антирасовым» силам, он усматривал в южных европейцах, и впоследствии это дало Муссолини основание отвергнуть его книгу (Field 1981: 185).

Евреев Чемберлен изображал смешанной группой, обязанной своим происхождением трем разным «расовым типам» – семитам-бедуинам, хеттам и амореям, или хананеям. Последних он рисовал арийцами, пришедшими с севера. Смешение двух первых типов якобы дало евреев, а от смешения тех с арийцами появились «истинные израильтяне», во многом превосходившие евреев. Но это смешение произошло слишком поздно, а потому и культурный взлет Древнего Израиля был недолгим и закончился крахом. А после пленения жрецы произвели ревизию Ветхого Завета и исказили его, вовсе исключив из него воспоминания об «арийцах», но зато объявив евреев «избранным народом». Чемберлен восхищался приверженностью евреев принципу крови, но его ужасало стремление к установлению своей власти над миром, которое он приписывал им вслед за многими антисемитами той поры. Вместе с тем нетрудно заметить, что представления Чемберлена о евреях страдали разительными противоречиями: с одной стороны, он видел в них «чистый расовый тип», а с другой – считал их продуктом смешения нескольких разных «типов». Это повергало его в смятение, ибо они нарушали все выведенные им «законы расового развития». Поэтому, видя в них некую мистическую силу, он заявлял, что они разлагают благородные нордические души (Field 1981: 187–189). Примечательно, что, завершая свои абстрактные рассуждения о роли евреев в истории, он заканчивал утверждением о том, что они более других получают выгоду от современной модернизации, которая тяжелым грузом ложится на плечи «тевтон-

ской нации» (Field 1981: 190). С тех пор это обвинение постоянно сопровождает все антисемитские выступления.

Евреям Чемберлен, разумеется, противопоставлял тевтонцев с их духом корпоративизма и иерархии, идеализмом и преобладанием «этики» над духом политической свободы. Он выступал против либерализма и рисовал идеал элитарного общества, которое стремился совмещать с «тевтонским индустриализмом». Последнюю главу своего произведения он посвятил восхвалению достижений «тевтонцев» в течение последнего тысячелетия – речь шла прежде всего о философии, науке и искусстве. В XIX в. он видел вызов тевтонцам со стороны эмансипированных евреев и финансового капитализма. Он писал о высокой миссии германцев, призванных победить социализм и плутократию.

Чемберлен придерживался версии об «арийской природе» Иисуса Христа, и именно благодаря успеху его книги версия об «арийском Христе» получила общественную популярность. По его убеждению, именно Христос создал «арийское христианство», которое тем самым не только не имело ничего общего с иудаизмом, но было им искажено (Field 1981: 182–183, 305–307)[10]. При этом, описывая отличия «арийской религии» от иудаизма, Чемберлен опирался на Ригведу, видя в ней изложение принципов монотеизма, которые впоследствии якобы были «украдены» евреями и донельзя искажены ими (Figueira 2002: 77–80). В 1921 г. Чемберлен даже участвовал в учреждении Союза за немецкую церковь (Field 1981: 412).

Хотя его книга фактически была компиляцией более ранних расовых построений, а также содержала массу противоречий и необоснованных утверждений, ее с восторгом встретила немецкая публика, благодаря своему выраженному патриотизму и безграничному прославлению немецкой культурной традиции. Публике понравилась и идея «расового превосходства», которая, будучи переведена в практическую плоскость, означала «сплочение нации» (Field 1981: 169–224, 233)[11].

Так к концу XIX в. в среде европейских интеллектуалов окончательно возобладал «научный расизм», всемерно использовавший идею эволюции для членения человечества на «низшие» и «высшие расы». Во главе последних, разумеется, стояли «арийцы» как якобы наиболее приспособленные к новой эпохе. Примечательно, что такие представления опирались не только на суждения ученых, но и на эзотерические учения, расцвет которых тогда наблюдался. В то же время социальным оптимистам, возглавлявшимся Гербертом Спенсером, противостояли пессимисты (Ф. Голтен, К. Пирсон), начавшие бить тревогу по поводу «расового упадка» и «дегенерации», к чему якобы могла привести высокая плодовитость «низших рас». В Германии и Австрии к таковым относили славян, в Англии – ирландцев. Определенную популярность тогда получила и идея ухудшения человеческих качеств вследствие «расового смешения». При этом вера во всемогущество наследственности достигла своей кульминации именно в Германии. Там концепции «расы» и «арийства» покинули научные кабинеты и оказали заметное влияние на общественные настроения. Дело доходило до того, что даже некоторые педагоги (Г. Альвардт) озаботились «борьбой арийцев с евреями». Например, тогда Вильгельм Шванер издавал антисемитский журнал для учителей и играл видную роль в германском молодежном движении.

В этой атмосфере накануне Первой мировой войны в Центральной Европе все громче звучали голоса, требовавшие поддержать «творческую и продуктивную арийскую расу» против «паразитической семитской». На этой волне в 1913 г. в Германии был учрежден Немецкий союз, провозгласивший себя борцом «против еврейской и славянской

[10] Это особенно отчетливо прозвучало в его книге «Слово Христово».

[11] Книга Чемберлена «Основания девятнадцатого столетия» вышла в 2012 г. на русском языке. Его творчество пропагандирует «Институт русской цивилизации» О. Платонова, где его называют «видным английским ученым», а его труды рекомендуют как «золотой фонд мировой науки». См.: (Чемберлен, Коннер 2009: 251).

крови» (Поляков 1996: 311–318). Тогда Йозеф Раймер предсказывал заселение германцами евразийских пространств, включая Сибирь, где «не поддающимися германизации» оказывались славяне и евреи с соответствующими практическими выводами, ограничивающими производство потомства. При этом Раймер числил себя социалистом и интернационалистом (Поляков 1996: 323–324).

Таким образом, если на общеевропейском уровне арийский миф оправдывал систему колониализма (например, англичане легитимировали им свое право владеть Индией), то на уровне отдельных государств служил местному национализму, противопоставляя коренных жителей, потомков «арийцев», чуждому Другому, под которым в XIX и начале XX в. понимались прежде всего евреи (Figueira 2002: 49).

«Арийское христианство»

Рассмотренные веяния не обошли своим влиянием и христианскую религию. Хотя бурное развитие науки в XIX в. поставило под вопрос многие былые христианские догмы, христианская историософия продолжала воздействовать на умы даже тех ученых, которые внешне порывали с христианством во имя того, что они считали научной истиной. Напомню, что традиционный христианский взгляд на историю делил ее на три эпохи, соответственно оценивая роль в ней иудеев. Христианские авторы с благодарностью относились к древним израильтянам, подготовившим, по их мнению, приход Иисуса Христа. Однако насколько роль израильтян в ранний период рисовалась позитивной, настолько же они получали негативную оценку в отношении второго периода. Ведь, отвергнув Христа, они становились естественными врагами христианства, якобы всячески мешавшими его развитию. Если в ранний период они выглядели творческим народом, единственным носителем божественной истины, то затем, когда эта истина была передана христианам, они становились досадной помехой «новому Израилю», как теперь любили называть себя христиане. В новом мире места евреям-иудеям уже не находилось, и многие христиане с удивлением и подозрительностью относились к народу, продолжавшему существовать, несмотря на то что самим Проведением ему суждено было уйти в небытие. Отцы Церкви называли евреев «детьми Сатаны», и в наследство от них христианам досталось представление о коварстве иудеев, якобы подготавливающих приход Антихриста и призванных служить ему в эпоху всеобщего коллапса и беззакония, которая должна наступить накануне Страшного суда. Затем наступал черед третьей эпохи, когда праведникам суждено было наслаждаться бесконечным блаженством в мире, избавленном от злых сил и их прислужников. Стоит ли говорить, что эта схема постоянно подпитывала у своих приверженцев юдофобские настроения?

Нетрудно заметить, что все это отразилось в той оппозиции, которую любовно выстраивали многие из упомянутых выше мыслителей. В принципе она сохраняла прежний характер, хотя христиан, или «Новый Израиль», в ней сменили «арийцы». Мало того, те же представления давали о себе знать и в новых эзотерических концепциях, говорящих о регулярной смене эпох и рас. Здесь большую популярность получило учение о близящемся конце эры Рыб, чреватом всеобщим упадком и глобальными катаклизмами, после чего мир якобы должен увидеть приход новой расы. Эзотерики рисовали нашу эпоху временем господства «арийской расы», тогда как случайные остатки былых рас (а к ним относились и «семиты») обречены были покинуть сцену. В этой парадигме евреи («семиты») с якобы имманентно свойственной им приверженностью партикуляризму также выглядели культурно бесплодными, лишенными творческого начала и не имеющими будущего. Зато будущее ассоциировалось с универсальными людьми, «арийцами».

Примечательно, что в этом идейном климате, требовавшем максимально отдалить христианство от иудаизма, определенную популярность получила идея «арийского Иисуса». Еще в 1858 г. французский революционер Пьер-Жозеф Прудон доказывал, что монотеизм не мог быть создан «коммерческой расой» (то есть евреями), а был творением «индогерманского ума» (Rose 1992: 65). Тогда в Швейцарии А. Пикте наделял арийцев «первобытным монотеизмом», а во Франции Э. Ренан делал все, чтобы оторвать Иисуса Христа от его иудейских корней. «В Иисусе не было ничего еврейского», – писал он. Примечательно, что в христианстве Ренан находил меньше монотеизма, чем в иудаизме или исламе. Так христианство естественным образом становилось «арийской религией». Причем чем больше оно отдалялось от иудаизма, тем больше совершенствовалось. Поэтому Ренан настаивал на необходимости дальнейшей «арианизации» христианства и его очищения от «семитских недостатков». Мало того, как-то Ренан даже высказал вслед за Аделунгом предположение

о том, что Эдем располагался в Кашмире. В пользу рисуемой им оппозиции он трактовал и природные различия между лесистой Галилеей, где родилось христианство, и пустынной Иудеей, где процветал иудаизм (Olender 1992: 69–72, 79).

Пытаясь провести резкую границу между «религией евреев» и «религией арийцев», сторонники такого подхода делились на две группы. Одни полагали, что кочевники-семиты, отличавшиеся сухостью ума и крайним рационализмом, были обречены на монотеизм, тогда как обладавшие творческой фантазией арийцы способны были создать для себя политеистическую религию. Другие, напротив, доказывали, что «еврейский ум» был не способен осознать всю глубину монотеизма; зато это было доступно арийцам. В любом случае в течение XIX в. в Европе вызревали настроения, требовавшие полного разрыва между христианством и иудаизмом и очищения христианства от «семитских включений».

Дальше всего это зашло в Германии, где наблюдались попытки создать «арийское христианство». Если Рихард Вагнер изображал легендарного Зигфрида «истинным арийцем», то его продолжатель, писатель-расист Клаус Вагнер в своей книге «Война» (1906) уже говорил об «Иисусе-Зигфриде». И если в XIX в. некоторые немецкие интеллектуалы, начиная с Фихте (Davies 1975: 572–573), были озабочены «арийским происхождением» Иисуса Христа, то в первой половине XX в. их последователи вслед за Чемберленом уже думали о том, как очистить Ветхий Завет от «семитизма». Это, разумеется, требовало «упразднения иудаизма», глашатаем чего еще в последней четверти XIX в. выступил в своем трактате «Религия будущего» востоковед Пауль де Лагарде (Davies 1975: 574). Тогда же, мечтая о «религии солнца», Эрнст фон Бунзен заявил, что Адам будто бы был «арийцем», а змей-соблазнитель – «семитом» (Поляков 1996: 330–332). В свою очередь бельгийский социалист Эдмон Пикар обнаружил «арийскую сущность» Иисуса Христа в том, что тот якобы был настроен против капитализма (Davies 1975: 575). А во Франции в конце XIX – начале XX в. многие католические авторы называли Иисуса то «арийцем», то «галилеяном», то даже «кельтом», но только не евреем (Wilson 1982: 515). И, наконец, вершина европейского антисемитизма XIX в., Чемберлен, пытался мобилизовать все возможные источники для того, чтобы превратить Иисуса Христа в «арийца»[12]. При этом он апеллировал к «духу», а не к внешности и настаивал на том, что Иисус поднял «флаг идеализма», тем самым бросив вызов иудаизму. Затем он заявил о необходимости «деиудаизации» христианства и поставил задачу создать новое арийское Евангелие. Следуя этому плану, под конец своей жизни он провозгласил истоком христианства персов, а вовсе не иудеев (Поляков 1996: 340–341; Davies 1975: 575–576; Field 1981: 193–195).

Таким настроениям способствовали сенсационные научные открытия в Месопотамии, позволившие немецкому ассириологу Фридриху Деличу выступить в 1902 г. с гипотезой о том, что многие сюжеты и идеи Второзакония, включая основные положения монотеизма, были заимствованы израильтянами из наследия Вавилонии. При этом он не просто демонстрировал соответствующие факты, но подчеркивал бедность и отсталость культуры древних израильтян. Мало того, если ранее А. Тайлор считал, что многие особенности своей древнейшей религии и мифологии арийцы заимствовали у семитов, то теперь Делич, напротив, задумался об «арийской природе» Иисуса Христа. Стоит ли говорить, что все это добавило масла в огонь антисемитизма? Так, Чемберлен не преминул включить открытия Делича, разумеется, в своей собственной интерпретации во вступление к четвертому изданию своей книги (Field 1981: 255–257; Poliakov 1985: 26; Marchand 1996: 223–226). Тогда даже в Санкт-Петербурге некоторые студенты демонстрировали свои антисемитские

[12] Недавно его рассуждения на эту тему были опубликованы московским издательством (Чемберлен, Коннер 2009). В этой книге под одной обложкой были помещены работы двух западных писателей-антисемитов, стремившихся любыми способами доказать, что Христос не был евреем.

настроения со ссылкой на Делича. Так, например, делал М. М. Гротт, доказывая творческую немощь евреев, которым якобы приходилось «заниматься плагиатом» (Гротт 1915: 61–63).

В Германии близкие идеи, хотя и лишенные антисемитского налета, популяризировал А. Древс, доказывавший, что, попав под влияние персидского митраизма в эпоху Ахеменидов, израильтяне внесли серьезные коррективы в основные представления иудаизма. Например, изменился образ Яхве, превратившегося из жестокого и мстительного бога в доброго, милосердного и любвеобильного отца. Якобы на этом фоне рядом с суровым фарисейско-раввинистским законничеством появилась «гуманная и живая мораль», выходившая за пределы узкого «иудейского национализма» (Древс 1923. Т. 1: 8 – 13; 1930: 25–32, 37–39). Древс не забывал упомянуть о том, что древним израильтянам якобы были не чужды человеческие жертвоприношения. Впрочем, по его словам, даже это они частично заимствовали у персов (Древс 1923. Т. 1: 33–38). Иными словами, по мнению Древса, основные понятия иудаизма окончательно сложились под сильным влиянием персидской религии и эллинской философии. В то же время, как он доказывал, основу христианству заложили синкретические («гностические») учения, широко распространенные в Западной Азии в конце 1-го тыс. до н. э. Среди источников внешнего влияния он называл даже буддизм (Древс 1923. Т. 1: 55–62). Но ядро христианства Древс связывал с идеей жертвующего собой бога, якобы принесенной арийцами с севера. Он даже утверждал, что с этой точки зрения Иисус был «арийцем» (Древс 1923. Т. 1: 126)[13]. Тем самым, иудаизм представлялся «вторичной религией», а прямая генетическая связь с ним христианства оказывалась под вопросом. Впрочем, Древс не отличался последовательностью и в более поздней книге признал, что христианство выросло из иудаизма, хотя и выработало совершенно иное представление о Боге (Древс 1930: 366).

В эти годы перед антисемитами встала дилемма – принять или отвергнуть христианство. Чтобы оно стало для них приемлемым, его надо было очистить от любых следов иудаизма. Но если умеренные расисты принимали христианскую этику, считая ее «арийской», то радикалы усматривали в ней отчетливое еврейское наследие. Ведь германское героическое начало, каким они его видели, никак с ней не сочеталось. Поэтому со временем радикалы отказались от христианства и сдвинулись к неоязычеству, ярким примером чего были немецкий генерал Эрих Людендорф и его супруга Матильда (Poewe 2006: 74). В нацистской Германии германский языческий фольклор как источник исконных моральных норм почитался много выше, чем связанное с иудаизмом христианство, хотя отношение самого Гитлера к такой «германской идее» и отличалось известным цинизмом. Зато Гиммлер мечтал о создании «неогерманской религии», способной заменить христианство (McCann 1990: 75–79). Ведь многие нацисты видели в антихристианстве более глубокую форму антисемитизма (Poewe 2006: 7).

Со своей стороны приверженцы «германского христианства» поддерживали «возрождение» немецкого народа при национал-социализме, доказывали, что церковь вполне соответствует национал-социалистической идее, и выказывали готовность защищать нацистское государство от языческих тенденций. Они отстаивали идею арийского происхождения Иисуса, связывали христианство с «кровью» и всеми силами очищали его от каких бы то ни было остатков иудаизма. Такая, по словам А. Дэвиса, «нарциссическая церковь» вполне соответствовала тоталитарной природе нацистского государства (Davies 1975: 577–578)[14].

«Арийское христианство» было одной из ключевых идей концепции А. Розенберга, превратившей его в эксклюзивную расовую религию. Розенберг настаивал на том, что евреи

---

[13] Правда, Древс был убежден в мифологичности фигуры Иисуса Христа.

[14] Примечательно, что идея очищения христианства от «еврейского духа» занимала в 1930-х гг. и некоторых румынских интеллектуалов, питавших слабость к Железной гвардии, местной разновидности фашизма в Румынии (Ленель-Лавастин 2012: 216–217).

в лице апостола Павла «извратили» истинную суть учения Христа. «Арийские» основы учения он искал в индийских Упанишадах, в зороастризме и у средневекового мистика Майстера Экхарта (Figueira 2002: 83–86). Сторонником «арийского христианства» был также бывший пациент психиатрической клиники Карл Мария Виллигут – эзотерик и духовный наставник Г. Гиммлера, разработавший эсэсовские ритуалы и символику. Он называл себя потомком древних германских королей и доказывал, что христианство родилось из религии древних германцев («ирминистской религии Криста»), в среде которых задолго до «семитов» и была якобы написана исконная Библия. В его концепции находило место и распятие древнего вождя Балдура «раскольниками-вотанистами» (Гудрик-Кларк 1995: 199–201; Васильченко 2008: 437–454).

Движение германской веры возникло в Тюбингене в 1929 г. Его приверженцы поклонялись Гитлеру и считали, что лишь через него можно было достичь Иисуса Христа. Одной из задач этого «германского христианства» было объединение немецкой нации, расколотой по религиозному признаку. Однако при нацистах это движение вошло в конфликт с учрежденной властью Исповедальной церковью, ставившей ту же задачу, но отдававшей предпочтение протестантам. Ведь Движение германской веры представляло себя «третьей конфессией», отличной от протестантов и католиков и стремившейся собрать вокруг себя религиозные группы, не связанные с христианством, – расистов-язычников и эзотериков, то есть тех, кто еще в Веймарский период демонстрировали свои расистские наклонности и хотели очистить христианство от «семитизма» (Poewe 2006). Нацистское государство, объявляя себя сторонником «позитивного христианства», воздерживалось от откровенной поддержки какой-либо из конфессий, хотя и симпатизировало протестантизму (Alles 2002: 180–181). В конечном итоге нацистский культ основывался на идее Третьего рейха; никакие другие боги ему не были нужны (Poewe 2006: 148–149). В этих условиях Движение германской веры не встречало какого-либо противодействия, и именно его усилиями в Тюбингене был учрежден Арийский институт (в декабре 1942 г.), а в Марбурге – Музей изучения религий[15]. При этом если до прихода нацистов к власти там среди религий фигурировал и иудаизм, то уже в музейной программе 1933 г. места для него, в отличие от всех других основных религий мира, не нашлось (Alles 2002: 184).

Создатель и первый лидер Движения германской веры, бывший миссионер Якоб Вильгельм Хауэр, склонный объяснять различия между религиями расовым фактором, резко противопоставлял «индогерманскую религиозность» «ближневосточной семитской». Если первая якобы отводила человеку место рядом с богами, то вторая рисовала его жалким, убогим, греховным существом, спасти которое могло лишь посредничество третьих лиц; первая способствовала развитию инициативы, вторая прививала фатализм; первая призывала к активной борьбе за справедливость, вторая обрекала на вечное подчинение богу-деспоту; первая отличалась толерантностью, а вторая стремилась к доминированию. Индогерманцам нужен был не спаситель, а вождь. Поэтому, учил Хауэр, чтобы не навлечь на себя беду, человек обязан поступать в соответствии со своим «расовым характером» (Alles 2002: 190; Poewe 2006). Примечательно, что немало христиан рисуют все это как оппозицию христианства иудаизму, где христианство обладает теми же чертами, что «индогерманская религия», по Хауэру[16].

Германское возрождение, происходившее в XIX в. и начавшееся с увлечения мифологией и фольклором, вскоре получило общественные формы – коллективные занятия гимнастикой и атлетикой, походы в горы с проведением там «германских ритуалов», хоровое пение, организация ежегодных фестивалей с манифестацией германской идентичности.

---

[15] Правда, в 1935–1936 гг. в Германии происходили гонения на сторонников нетрадиционных религий, включая оккультные науки и неоязычество.

[16] (http://koenraadelst.voiceofdharma.com/articles/fascism/Nazi5Poewe2.html)

Наибольший энтузиазм в этом проявляла провинциальная интеллигенция и молодежь, объединявшиеся в неформальные группы («ферейны»). На этой базе в Австрии в последней четверти XIX в. начали возникать политические движения, стоявшие на платформе пангерманизма, делавшего акцент на «общности по крови». Его сторонников возмущали действия властей, направленные на поддержку славянских культур и языков. Австрийские немцы опасались подрыва своих ключевых позиций в политической системе и экономике. В 1897 г. дело дошло до кровавых столкновений между толпой и полицией, что поставило Австрию на грань гражданской войны (Гудрик-Кларк 1995: 17–20, 94).

В этих условиях своими врагами пангерманисты видели не только славян, но и католическую церковь, не разделявшую их расовых симпатий. Католиков связывали со славянофильством и рассматривали как предателей германской идеи. В свою очередь разочарование в католицизме создало благоприятную среду для поиска альтернативных верований. Немецкие интеллектуалы были увлечены экзотическими восточными религиями, но для их понимания привлекали научные идеи своего времени. Так они обратились к тевтонским верованиям, хорошо вписывавшимся в зарождавшуюся тогда «нордическую идеологию». Христианство с его призывами к эгалитаризму и всеобщей справедливости никак не отвечало духу времени, жаждавшему жесткого порядка, основанного на элитизме и иерархии (Гудрик-Кларк 1995: 40–41). В конце XIX в. в Германии и Австрии все большую популярность получали чествования средневековых героев, организация праздников летнего солнцестояния; повсюду появлялись кружки немецкой истории, увлеченные поисками тевтонских предков и их «национальной религии».

Глава 2
Арийская идея в эзотерических учениях

Идея Севера и становление эзотерики

Немецкая националистическая традиция с особой страстью популяризировала миф об Атлантиде, стремилась поместить ее на Крайнем Севере и впервые отождествила атлантов с арийцами (тевтонцами), или «нордическими людьми» (Гудрик-Кларк 1995: 63–66; Jordan 2001: 183). В германской версии миф об Атлантиде включал и сказание о чистокровных белокурых асах и их столице Асгарде (Hermand 1992: 64, 191, 193–198). В эпоху нацизма эта концепция находилась под личным покровительством Гиммлера, запретившего вести с ней какую-либо полемику. Она оказала большое влияние и на Гитлера.

В самом начале XX в. подобные взгляды развивались ариософией, объявившей бескомпромиссную войну как католической церкви, так и властям с их космополитическими склонностями. Ведь все это подрывало германскую идею. Зато расовая теория, поддержанная в те годы многими учеными и выглядевшая в глазах образованной публики респектабельной научной концепцией, оказывалась вполне уместной и весьма соблазнительной. Действительно, она объявляла «расовые войны» движущей силой мировой истории и предлагала евгенические рецепты спасения расы от деградации и вымирания. Поэтому будущие австрийские ариософы были увлечены социодарвинистским учением Эрнеста Геккеля и «политической антропологией» Людвига Вольтмана, откуда они и позаимствовали «арийскую идею» (Гудрик-Кларк 1995: 21–22).

История о том, как возникла мысль о затонувшем Северном континенте и как она попала к нацистам, заслуживает особого внимания. Еще во второй половине XVIII в., когда Европа была увлечена экзотической индийской культурой и пыталась искать там корни изначальной высокой цивилизации, Ж. – С. Байи выступил с гипотезой о том, что пережившие Потоп первые люди пришли вначале в Сибирь, а затем в Индию из районов Крайнего Севера, принеся с собой высокую цивилизацию. Его идеи строились на некоторых астрономических расчетах и древних мифах (Атлантида и Гиперборея 2003; Godwin 1993: 27–30, 47; Поляков 1996: 200).

Позднее эта версия была подхвачена и развита французским философом и эзотериком Фабром д'Оливе в его книге, вышедшей в 1824 г. Этот автор использовал индийский миф о приходе ариев (он назвал их «борейской расой») с севера, переработал его и на этой основе сконструировал идею о будто бы существовавшем некогда полярном материке Арктиде или Арктогее (греч. «северная земля»), откуда гиперборейцы и двинулись на юг. В его представлениях они выглядели поначалу слабее «черной расы» и некоторое время были ее рабами. Но позднее эти «бореальные кельты» захватили власть в Европе и оттуда отправились в Индию во главе со своим вождем Рамом, основавшим мировую империю. Нелишне напомнить, что Фабр д'Оливе был ревностным сторонником полигенизма: по его мнению, четыре человеческие расы возникли независимо друг от друга в разные эпохи и в разных местах (Godwin 1993: 44, 186–187; Стефанов 1995).

В 1880-х гг. сходные идеи развивал другой французский эзотерик А. Сент-Ив д'Альвейдр. Отвечая своим критикам, упрекавшим его в плагиате у Фабра д'Оливе, он утверждал, что все эти построения отражают истинный ход мировой истории, а на истину ни у кого монополии быть не может. Кроме того, он настаивал на том, что если Фабр д'Оливе мечтал об антихристианском недемократическом обществе, то сам он стоял за демократию, правда

в странном сочетании с теократией (Сент-Ив д'Альвейдр 1915: 7–9). Сент-Ив д'Альвейдр подчеркивал свою верность христианству, но в преддверии Страшного суда его страшили зверства и несправедливости, учиненные европейцами на других континентах. Он мечтал о единстве человечества и залог этого единства видел, во-первых, в священных древних знаниях, якобы имевшихся у древнейшего человечества и сохранявшихся избранными мудрецами в тайне от Антихриста, а во-вторых, в существовавшей некогда мировой «арийской империи», созданной Рамом. Кроме того, подчеркивая единство иудеохристианской традиции, Сент-Ив д'Альвейдр стоял за «научный союз Иисуса и Моисея» (Saint-Yves d'Alveydre 1884: 12–15) и придавал большое значение «миссии евреев», якобы сохранивших для человечества бесценные знания, переданные им предшествовавшей «черной расой» и гармонично сочетавшие науку и религию. При этом он считал евреев частью «гипербореев», то есть «бореальной белой расы», что в его устах было равнозначно «кельтам» или «ариям» (Saint-Yves d'Alveydre 1884: 137, 153, 174). Но родину «белой расы» он помещал в Европе – идея затонувшего северного острова его не увлекала.

Особое развитие в германоязычных странах получил миф об Атлантиде. В 1675 г. шведский врач и ботаник У. Рудбек Старший отождествил легендарную Атлантиду со Швецией, назвав ее прародиной германцев и источником человеческой культуры. В XIX в. эта гипотеза была подхвачена германскими интеллектуалами, использовавшими ее для выработки национальной идеи. В частности, ею был увлечен сам кайзер Вильгельм II (Gugenberger, Schweidlenka 1993: 246). В 1883 г. немецкий социодарвинист Карл Пенка поместил прародину арийцев в Скандинавии. Пенка доказывал, что Скандинавия была родиной «чистых арийцев», к которым он причислял северных немцев и скандинавов. Вскоре эта идея нашла своих приверженцев в Англии, где некоторые местные ученые (Дж. Рис, Дж. Рендолл) также искали прародину арийцев либо в Балтийском, либо в целом в Арктическом регионе (Godwin 1993: 43, 45).

В 1864 г. фламандский путешественник Шарль-Этьен Брассер со ссылкой на хроники индейцев майя пытался доказать, что истинное название затонувшего континента было вовсе не Атлантида, а Му. Позднее Е. П. Блаватская перенесла континент Му из Атлантического океана в Индийский. Так были заложены основы популярного до сих пор мифа о затонувших цивилизациях. Вряд ли стоит говорить о том, что ученые весьма скептически относятся к таким построениям (Jordan 2001: 57–60).

Большую роль в развитии мифа об Атлантиде сыграл в начале 1880-х гг. американский политик Игнатий Донелли. Проявив недюжинную эрудицию и проработав массу литературы по геологии, физической антропологии, археологии, лингвистике, этнологии и сравнительной мифологии, Донелли пытался подкрепить известный рассказ Платона научными данными и искал погибший континент в водах Северной Атлантики. Кроме того, будучи сторонником теории катастроф, Донелли с энтузиазмом развивал идею о том, что когда-то Земля столкнулась с кометой Рагнарок, что и привело к гибели Атлантиды. И хотя его построения были прохладно встречены учеными (известен скептический отзыв Ч. Дарвина о них) и рассматриваются современной наукой как классический пример дилетантизма, его книги охотно раскупались, выдержали множество изданий и были переведены на многие языки мира (Williams 1991: 132–139; Godwin 1993: 189; Jordan 2001: 64–79).

Если фантазии Донелли не основывались на каких-либо этнических или конфессиональных предрассудках, то иначе дело обстояло с президентом Бостонского университета У. Ф. Уорреном, который, будучи примерным христианином, был шокирован эволюционным учением Дарвина. Он верил в сотворение человека Богом, и первые люди виделись ему в образе легендарных героев – сильных, мужественных и благородных. Лишь после Потопа они утратили эти качества. Родину всего древнейшего человечества, а не только «арийцев» Уоррен помещал на Северном полюсе – на острове, затонувшем во время Потопа. Он дока-

зывал, что там когда-то располагался Земной Рай, земля вечного Солнца. Книга Уоррена была впервые опубликована в 1885 г. и с тех пор неоднократно переиздавалась (Уоррен 2003; Godwin 1993: 30–31).

По-иному смотрел на это индийский мыслитель и радикальный деятель индийского национального движения, журналист Б. Г. Тилак. Получив в юности некоторые познания в области астрономии, он попытался использовать их для доказательства древности ведических ариев. Оказавшись в 1897 г. в заключении за свои выступления против британской колониальной администрации, Тилак подготовил там книгу «Арийская прародина в Ведах», которую ему удалось опубликовать лишь в 1903 г. Основываясь на данных ведической литературы и не забывая поблагодарить Уоррена и Риса за плодотворные идеи, Тилак доказывал, что в межледниковый период климат в Арктике был много теплее, чем ныне. Именно там, на его взгляд, жили первоначально предки ариев, и именно оттуда они пришли в Индию. Теория Тилака не оказала никакого влияния на развитие научной мысли, но нашла своих приверженцев среди индийских интеллектуалов, теософов и зороастрийцев (Тилак 2002; Godwin 1993: 31–33).

Идея затонувших континентов и смены рас была с энтузиазмом принята Е. П. Блаватской, объявлявшей нашу эпоху временем господства «арийской расы» и помещавшей священную прародину современного «арийского» человечества на Севере. Впрочем, специальные исследования показывают, что географическое положение местностей, фигурирующих в индийских Ведах, на которые опирались построения Блаватской, определить практически невозможно. Представления Блаватской о расах было не менее своеобразным: она связывала их прежде всего с духовным началом и под «арийской (пятой) расой» имела в виду все современное человечество. Истоки рас Блаватская переносила в космос и связывала их с творческой деятельностью Учителей, или *махатм*. Помещая Братство Учителей в космосе, она ввергала его в тяжелую борьбу с «Темными силами», несущими миру зло. Под «арийцами» она понимала не только представителей белой расы, но и темных индусов. Тем самым, отдавая дань антиколониальной идее, она пыталась ввести их в круг «цивилизованных народов». В то же время она отождествляла представителей черной и желтой рас с остатками прежних «коренных рас», якобы обреченных на вымирание. Взгляды Блаватской на расовую проблему, изложенные ею в вышедшей в 1888 г. книге «Тайная доктрина», были весьма путаными[17], и она с легкостью смешивала язык и физические признаки. Впрочем, и то и другое казалось ей второстепенным по сравнению с внутренними имманентно присущими людям психическими качествами. В своем стремлении создать единую мировую религию Блаватская отвергала дарвинизм и не жаловала христианство. Она не признавала личного Бога, заменяя его некой скрытой силой, наделявшей все живое энергией (Блаватская 1991–1992).

Ученые относились к этому учению скептически, и Макс Мюллер упрекал Блаватскую в «научной некомпетентности». Но в тревожной мировой обстановке последней четверти XIX в. ее призыв к созданию Всемирного Братства человечества вне зависимости от веры и цвета кожи встречал понимание у определенной части западной общественности[18], примером чему служили рассмотренные выше взгляды Сент-Ив д'Альвейдра. Примечательно, что, несмотря на апелляцию к расовой теории, эзотерики начала XX в. считали своим долгом нести людям справедливость и любовь, мир и истину. При этом они пытались примирить все религии (см., напр.: Лидбитер 1908: 156).

Другим поклонником гиперборейской идеи был французский эзотерик Рене Генон, приверженец теории циклизма, основывавший ее на индуистских представлениях о смене

[17] Сегодня не только очевидны фантастические основания учения Блаватской, но даже известно, кто послужил прототипом ее *махатм* (Андреев 2008).

[18] Об этом см.: (Гудрик-Кларк 1995: 26–30; Вашингтон 1999; Williams 1991: 140–144; Godwin 1993: 19–21, 41–43).

исторических эпох. В своем эссе «Атлантида и Гиперборея» (1929) он писал о происхождении человечества со священного острова Тула (греч. Туле), находившегося на Северном полюсе, где первые живые существа жили в соответствии с традицией, якобы данной им духовным отцом Вайвасвата Ману. Затем центр цивилизации возник в Атлантиде, ушедшей позднее под воду. По Генону, современное человечество получило свою культурную традицию частично из гиперборейского центра («полярная традиция»), а частично из Атлантиды («солярная традиция»). К первому будто бы восходят корни индуизма, а ко второй – религии Древнего Египта и Америки (Генон 1994). Однако Генона привлекала в первую очередь символика, и проблемы происхождения человечества его мало интересовали. Полагают, что, подобно Блаватской, он представлял древнейших предков людей нематериальными существами, однако выработанная им хронология радикально расходилась с той, которую создала Блаватская (Godwin 1993: 21–24, 155–156).

Вряд ли стоит говорить о том, что все рассмотренные выше концепции сложились задолго до возникновения современных научных знаний и затем развивались в стороне от науки, питаясь во многом вненаучными соображениями. Многие из их авторов сознательно противопоставляли свои взгляды дарвинизму и настаивали на божественном происхождении человека. Проводившиеся в центральной части Атлантического океана во второй половине XIX в. океанографические исследования и прокладывание трансатлантического телефонного кабеля не обнаружили на дне Атлантики никакого затонувшего континента (Godwin 1993: 47). Это заставило энтузиастов Атлантиды перенести поиски в более северные районы, и они вспомнили о земле Туле, о которой впервые поведал Пифей из Массилии на рубеже IV–III вв. до н. э. Современники воспринимали его сообщение скептически, но австрийские и германские ариософы начала XX в. отнеслись к нему не в пример серьезнее.

Австрийская ариософия

Движение ариософов возникло в Австрии в начале XX в. Его основателями стали Гвидо фон Лист и Йорг Ланц фон Либенфельс, соединившие идеи почвеннического германского национализма и расизма с модными тогда эзотерическими идеями, уходящими своими корнями к теософии Блаватской. Они воспевали «расово чистые общества» как залог мира и покоя и объясняли социальные пороки неким заговором «неарийских рас», якобы сознательно и целенаправленно разрушавших идиллию германского порядка. Вслед за Гобино они связывали беды современного мира с «расовым смешением» и падением прежней иерархии, место которой якобы занимало «фальшивое равенство незаконнорожденных». Желая противостоять этому, они учреждали тайные религиозные общества, где культивировались эзотерические знания и расовые доктрины, основанные, в частности, на идее реинкарнации. В своих мечтах эти «романтики и поклонники золотого века» связывали будущее «белого мира» с новой пангерманской («арийской») империей. В этом и состояла основная идея «ариософии» (термин был введен Ланцем в 1915 г.). Не случайно французский журнал както назвал Листа «учителем мистического империализма». По сути, как и в случае с Ницше, это было ответом на объединение Германии в урезанном виде (то есть без Австрии) и последующую стремительную модернизацию, подрывавшую социальную стабильность и отбрасывающую прочь прежние патриархальные ценности. Всему этому эзотерика пыталась противопоставить идеи элитарности и чистоты, основанные на социодарвинизме. Тем самым, она была обречена на отстаивание крайне правых политических позиций, придавая им сакральные основания (Черняк 1987: 165–168; Гудрик-Кларк 1995: 10–12, 94–96).

Гвидо фон Лист первым соединил немецкий национализм с эзотерикой и теософией и, как пишет Дж. Годуин, перебросил мостик между протонацизмом и некоторыми подходами современных «зеленых» и последователей нью-эйдж (Godwin 1993: 49). Отбросив иноземное христианство, он также отвергал письменные источники, упрекая их в создании лживого представления о примитивности древних германцев. Зато он призывал опираться на фольклор, топонимику и археологию в поисках древних арийских предков с их исконным государством-империей во главе с королями-священниками. Кроме того, он полагал, что исконный «германский дух» сохранялся в самой окружающей природе и, чтобы приобщиться к нему, достаточно было «читать [ее] душой». Впрочем, это ему казалось недостаточным, и со временем он обратился к теософии, которая немало обогатила его познания в области солярной символики.

Именно Лист начал использовать термины «ариогерманцы» и «раса» вместо прежних «немцы» и «народ», а также писать о мифических тевтонских царствах, включая Асгард и Мидгард, существовавших якобы за тысячи лет до прихода христианства (Гудрик-Кларк 1995: 42, 63–64, 81–82). Его захватывали грандиозные проекты: он то желал создать храм неистовому Вотану, считая его главным богом тевтонского пантеона, то мечтал об экологически чистых сельских поселениях, то стремился собрать всех немцев под знаменем пангерманизма. Начав с романов о древних тевтонцах, со временем Лист увлекся их обрядами и поверьями, что и привело его к язычеству[19]. Однако, не будучи удовлетворен традиционным язычеством, он обогатил его оккультными представлениями, магией рун и идеей об «арийском праязыке». Превознося древнюю элиту, он отождествлял ее со жрецами Вотана. Он также воспевал свастику, позаимствовав этот символ у теософов. Следуя эзотерической традиции, он писал о смене «рас», упоминая древних лемурийцев и атлантов и связывая «ариогерманцев» с «пятой корневой расой» (Лист 2001. Об этом см.: Гудрик-Кларк 1995:

[19] Современный русский неоязычник А. Платов называет Листа «одним из первых неоязычников».

42–50, 59–64). Лист пытался возродить «древнюю германскую идеологию» («вотанизм»), якобы передававшуюся тайными путями из поколения в поколение внутри жреческой касты «арманов». Следы этих древних верований он находил даже в старых еврейских манускриптах, утверждая, что туда «арийская мудрость» попала от тевтонских королей-жрецов.

Как уже отмечали исследователи, теософов к антисемитизму привел их универсализм, представлявший современное человечество в виде всеохватывающей «арийской расы». Поэтому они упрекали евреев в партикуляризме, отсутствии духовности и отказе от участия в формировании «арийской расы». Тем самым, евреи выглядели изгоями, противопоставлялись современному человечеству и наделялись отрицательными качествами, мешавшими прогрессу (Goldstein 1979: 58–59; Spielvogel, Redles 1986: 235). Сохранив теософское отношение к евреям, ариософы сузили понимание «арийской расы», отождествив ее с германцами.

Подобно тому, как современные русские язычники поносят крестителя Руси князя Владимира, Лист всячески поносил Карла Великого, обращавшего в христианство язычников Северной Германии. Он обвинял церковь в гонениях на истинную тевтонскую культуру и в уничтожении вотанизма, «священной национальной веры». В христианстве он видел силу, расшатывающую немецкое самосознание и стремящуюся превратить немцев в рабов, что в ходе истории приносило неисчислимый вред «ариогерманской расе» (Лист 2001: 83, 106–107. Об этом см.: Гудрик-Кларк 1995: 78, 80–81). Другим страшным врагом он считал этнические меньшинства. Поэтому в упадке германской культуры он винил заговор Церкви, демократов, промышленников-олигархов, крупных финансистов и Великой интернациональной партии. Все это сливалось для него воедино в образе Сатаны (Гудрик-Кларк 1995: 93–97).

Фактически Лист создавал миф о Золотом веке, причем его главными методами были интуиция, прозрения и пророчества, которым он отдавал предпочтение перед строго научными подходами. Поэтому он придавал большое значение сфере бессознательного, где якобы и теплились воспоминания об истинной культуре предков и их неизбывной мудрости. Опираясь на эзотерику, он наделял известные археологические находки, фольклорные образы, топонимику тайными смыслами, якобы помогавшими познать величие предков. Кроме того, он уверял, что, скрывая свои знания и убеждения от церкви, короли-священники учреждали тайные общества, где применялся особый язык, помогавший уберечь мудрость предков от непосвященных. Наконец, стремясь сохранять социальный оптимизм, Лист возрождал теорию циклизма, по которой любой организм проходил этапы рождения, жизни и смерти, чтобы затем возродиться вновь. Перенося это на общество, он утверждал, что в ходе истории величие сменяется упадком для того, чтобы затем в процессе космического обновления вновь обернуться еще большим величием – здесь Лист вспоминал о ницшеанском «вечном возвращении» (Лист 2001: 31, 110; Гудрик-Кларк 1995: 78–80, 82–83, 91–92).

Лист доказывал, что германские народы, или «арийцы», обладали своей письменностью задолго до христианства, и объявлял таковой руны, видя в них слоговое письмо, или иероглифы. По его словам, в рунах содержался зашифрованный тайный смысл, открывавшийся только посвященным. Он шел еще дальше и причислял к данной категории народные предания и мифы, утверждая, что они содержат ключ к древней истории арийцев (Лист 2001: 84–87, 96). Он также настаивал на том, что древняя вера сочетала единого Бога с множественностью богов, что арийцы называли себя «сыновьями Солнца» и что одним из важнейших принципов древнего арийского мировоззрения было представление о троичности, включая наличие трех социальных слоев (Лист 2001: 48, 76–80, 110). Сегодня все это воспринято русскими неоязычниками с той лишь разницей, что арийцами здесь оказываются не германцы, а славяне.

Чтобы предсказать будущее, Лист пытался вычислить продолжительность жизненных циклов, и, по его расчетам, получалось, что в конце XIX в. наступила новая эпоха, обещавшая быстрый подъем германского духа, уничтожение сатанинского врага, победу над Великим интернационалом и образование могущественной германской империи. Поэтому он прославлял войну, видел в ней единственное средство победы над вселенским Злом и предсказывал столкновение наций, что вскоре и нашло свое выражение в Первой мировой войне. Наконец, мечтая о социальном порядке и мире, Лист возлагал все свои надежды на сверхчеловека, диктатора, с деятельностью которого и связывал наступление Золотого века. Он верил в реинкарнацию и ожидал кармического возрождения воинов, павших на полях сражений: им-то и предстояло заняться переустройством мира. Один из них, по его мысли, должен был стать вождем германского народа (Лист 2001: 111; Гудрик-Кларк 1995: 97 – 102).

Примечательно, что, пытаясь продвигать свои идеи, Лист вошел в конфликт с Императорской Академией наук, ибо австрийские ученые видели в нем дилетанта, чьи представления лежали за рамками науки. Однако у Листа имелись многочисленные сторонники и влиятельные покровители, сумевшие в 1908 г. учредить Общество его имени, которое популяризировало его «бесценные открытия» и культивировало эзотерические и пангерманские воззрения (Гудрик-Кларк 1995: 50–55). Ланц фон Либенфельс добавил к этому представления о манихейской борьбе расы господ (ариогерманцев) и расы рабов (неарийцев), о прародине арийцев на утонувшем полярном острове под названием Арктогея, а также об эзотерической роли Ордена тамплиеров (Гудрик-Кларк 1995: 65–66).

Среди любителей и популяризаторов этих идей Гудрик-Кларк выделяет три группы: это, во-первых, праворадикальные политики-мистики, увлеченные пангерманизмом, во-вторых, теневые писатели и публицисты, выдававшие себя за перевоплощенных древних жрецов и героев[20], и, в-третьих, деятели новой религиозности (маги, астрологи, эзотерики) (Гудрик-Кларк 1995: 56–57). В этой среде идеи Листа получали практическое воплощение в виде тайных обществ, использовавших масонский опыт. Хотя такие общества появились и обрели популярность лишь в начале XX в., Лист наделял их генеалогией, уходившей к древним тевтонцам, и утверждал, что они счастливо пережили все средневековые гонения. Легенду о тамплиерах Лист тоже позаимствовал из масонских источников и уже от себя наделил средневековых рыцарей символом свастики (Гудрик-Кларк 1995: 67–68, 70–73). Если в оккультных науках свастика служила тайным символом спасения, то для Листа она означала также и победу арийцев над низшими расами (Goldstein 1979: 63).

Гвидо фон Лист германизировал теософию и придал «пятой корневой расе» Блаватской вполне расистское звучание, отождествив ее с «ариогерманцами». Еще дальше пошел его ученик и младший соратник Йорг Ланц фон Либенфельс, помещавший родину арийцев на полярном континенте. «Неарийские расы» он представлял продуктом вырождения некоторых групп древних ариев, тем самым развивая теорию деволюции (Гудрик-Кларк 1995: 63–64, 107–111, 115–116; Godwin 1993: 49).

У Ланца фон Либенфельса, несомненно более образованного, чем Лист, расовая идея выглядела еще более отчетливо. Этот эзотерик, начавший свою карьеру в монашеском Ордене, был приверженцем манихейской идеи о вечной борьбе Добра и Зла, Порядка и Хаоса, чему он придал расовую окраску. Для него доброе начало отождествлялось с голубоглазыми и светловолосыми арийцами, а злое – с носителями любых темных признаков (волос, кожи, глаз и пр.). Больше всего его пугало расовое смешение, угрожавшее господству арийцев в мире и, как он полагал, являвшееся причиной неблагополучия в современной ему Европе (Гудрик-Кларк 1995: 104–107). Его привлекало эзотерическое объяснение хода истории, согласно которому ранней формой жизни были боги, или «избранные», обладав-

[20] Сам престарелый Лист объявил себя реинкарнацией средневекового ученого И. Рейхлина.

шие необычными способностями. Но позднее в результате смешения со «звероподобными пигмеями» они выродились и утратили эти способности. В результате человеческая история оказывалась историей упадка, что хорошо вписывалось в концепцию «грехопадения». Но Ланц фон Либенфельс верил в то, что положение можно исправить введением сегрегации, стерилизации, этнических чисток, евгенических программ и даже истреблением низших рас, с которыми он отождествлял и низшие социальные классы, якобы от них происходившие. Поэтому он отвергал христианскую доктрину сострадания как лживую и лишь способствующую упадку (Spielvogel, Redles 1986: 238; Гудрик-Кларк 1995: 108–110).

Ланц фон Либенфельс глубоко презирал «чернь» и «низшие расы», но зато прославлял принципы аристократизма, основанного на «чистых родословных». Ему не чужды были империалистические идеи, и он призывал превратить планету в одну германскую колонию. Фактически, подобно Листу, он создавал фундамент для концепции «консервативной революции», призванной восстановить принципы элитизма и иерархии (Гудрик-Кларк 1995: 111–112). Для пропаганды этих идей он начал в 1905 г. выпускать журнал «Остара», где не только с пангерманских позиций освещались экономические и политические проблемы, но и делались попытки обосновать господство «ариогерманцев» над «низшими расами» с опорой на данные физической антропологии. Первая мировая война представлялась в журнале эсхатологической фазой манихейской борьбы «черных» с «белыми». Кроме того, там развивалась идея учреждения «национальной церкви», основанной на теософии (Черняк 1987: 166–167; Гудрик-Кларк 1995: 113, 115).

В 1907 г. Ланц даже основал Орден для укрепления арийской расы и принимал туда только «чистых арийцев». Он разработал для них специальный кодекс поведения, а также ритуалы и церемонии (Гудрик-Кларк 1995: 123–127). Его привлекала фигура «арийского Христа», якобы боровшегося с пигмеями и бестиальными практиками (Гудрик-Кларк 1995: 109). Этого Христа он понимал в расовом духе, наградив его готским именем Фрейя. Он составил псалмы и гимны для Ордена, которые, имея в основе христианские тексты, были преисполнены расового смысла. В молитвах, обращенных к Христу, говорилось о спасении высшей (арийской) расы и искоренении низших рас. Иными словами, этот Орден выковывал идеологию геноцида, позднее взятую на вооружение нацистами (Гудрик-Кларк 1995: 127–128, 138).

Подобно Листу, Ланц тоже увлекался астрологией и предсказаниями судьбы Европы. Он прогнозировал кульминацию «расового хаоса» в 1960–1988 гг., когда власть должна была достаться «демоническим силам». Но затем предстоял Страшный суд и наступление Золотого века, когда мир должен был увидеть возрождение «арийского государства» во главе со священниками, причем центром новой империи назначалась Вена. Впрочем, позднее Ланц отнес возрождение иерархии и империи к периоду 1920–2640 гг. и в 1925 г. приветствовал фашистские режимы, якобы знаменовавшие начало этого процесса (Spielvogel, Redles 1986: 239; Гудрик-Кларк 1995: 118–119).

В этой обстановке в немецком обществе и получили популярность расовые доктрины, восхвалявшие германскую расу, неразрывно связывавшие физический облик с внутренним духовным миром и провозглашавшие господство высших рас над низшими «законом природы». Высшей расой назывались голубоглазые и светловолосые арийцы, которым якобы были имманентно свойственны высокая мораль, благородство, честность, отвага. Им противопоставлялись евреи, причем именно как особая биологическая раса, а не религиозная общность. Они-то и оказывались виновными в трудностях модернизации, воспринимавшихся в терминах «упадка культуры» и «нашествия чужаков», под которыми в Австрии тогда понимались прежде всего славяне и евреи. Важно, что, находясь в стороне от практической политики, ариософы разработали язык и символику, с благодарностью воспринятые праворадикальными движениями, включая нацистов. Тех привлекала их оптимистическая

вера в «национальное возрождение», приближение Золотого века и окончательную победу «ариогерманцев» над всеми своими недругами. В 1930-х гг. некоторые ариософы участвовали в создании обрядности для эсэсовцев и разработке проекта Великого Германского рейха (Гудрик-Кларк 1995: 13–14, 57).

Мало того, сам Лист разработал проект новой пангерманской империи, основанной на кастовом строе. Там неарийцы должны были беспрекословно подчиняться арийцам, «ариогерманская раса» освобождалась от тяжелого физического труда, браки заключались в соответствии с принципом «чистоты крови», семьи заботились о сохранении своих чистых генеалогических линий, восстанавливались патриархальные порядки, ставившие мужчину над женщиной, гражданство предоставлялось только «ариогерманцам». Всем этим Лист предвосхитил идеологию Третьего рейха и Нюрнбергские законы 1935 г. (Spielvogel, Redles 1986: 237; Гудрик-Кларк 1995: 75–76, 218). Иными словами, как подчеркивал Н. Гудрик-Кларк, в век национализма в космополитической полиэтничной Габсбургской империи созрела почва для расовой доктрины геноцида (Гудрик-Кларк 1995: 25). Этому способствовали поражение в Первой мировой войне и распад империи, после чего Ланц уверился в правильности своих предсказаний и отождествил «мировое Зло» с союзом евреев, большевиков и масонов. С тех пор он с еще большим рвением призывал к Крестовому походу против сил хаоса и тьмы, и антисемитизм стал непременным спутником его воззрений (Гудрик-Кларк 1995: 129).

От ариософии и неоязычества к нацизму

Таким образом, начало походу против христианства и оживлению языческих представлений положили отнюдь не нацисты. Интерес к язычеству возник еще у немецких романтиков, чьи идеи получили большое распространение в Германии XIX в. Еще в середине XIX в. немецкие авторы пытались искать истоки своей культуры в древнегерманском мире. Они увлекались рунами, германскими мифами, языческими богами, обращались к почерпнутой из исландских саг идее Средиземья (Mittgart), якобы родины «нордического человека». В 1867 г. историк Ф. Дан опубликовал исследование, в котором с симпатией писал о древних германцах и их языческих верованиях, за что был обвинен Церковью в пропаганде веры в языческого бога Вотана. Позднее к прославлению языческой связи с природой и жизнелюбия обратился социалист Е. Дюринг, утверждавший, что языческие верования сохранились, несмотря на все вековые гонения со стороны христиан. Такие авторы были, в особенности, увлечены солярной символикой и доказывали, что культ солнца возник и лучше всего сохранился у северных народов, почитавших солнце как источник света и центр мироздания. С солнечным циклом связывали источник жизни и символ возрождения. Следы этих былых верований искали в скандинавских сагах, причем отдельные энтузиасты таких исследований доходили до того, что превращали Христа в германского бога Солнца, а Деву Марию – в прародительницу арийцев.

В представлениях сторонников возрождения язычества верования древних германцев странным образом переплетались с модным в те годы оккультизмом. Ведь, настаивая на всеобщей связи явлений и наличии тайных нитей, соединяющих прошлое с настоящим и будущим, оккультизм порождал надежды на обретение власти над самим временем, создавал иллюзию того, что люди якобы с легкостью могли вернуть языческое наследие, разрушенное христианами (Mosse 1966: 71–73; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 107–108). Эта задача представлялась тем более актуальной, что после объединения Германия вступила на путь быстрой модернизации, в бешеном темпе смывавшей со своего пути остатки традиционной патриархальной жизни. И людям казалось, что они навсегда утрачивают связь с корнями, которыми они раньше так гордились (Mosse 1966: 13; Hamilton 1971: 93–95, 104–105).

В свою очередь германский национализм остро нуждался в сплачивающей всех немцев идее, и многие думали, что проблему сможет решить введение национальной религии, противостоящей космополитическому христианству. Наибольший вклад в германизацию христианства сделал немецкий философ Пауль де Лагарде, выступивший в 1878 г. с программной статьей «Религия будущего». Он объявил Римско-католическую церковь тормозом на пути германской нации и связал дальнейшее развитие с введением национальной религии, пропитанной германским духом. Это направление мысли продолжало романтическую линию, намеченную такими гигантами немецкой философии, как Гегель и А. Шопенгауэр, требовавшими освободиться от пут «иудейской мифологии» и вернуться к исконным индоевропейским («яфетическим», по Шопенгауэру) верованиям (Poliakov 1974: 243; Weissmann 1991a: 36–37).

Споры о том, какой должна быть новая религия, должна ли она быть синтезом христианских и дохристианских представлений («германское христианство») или ей следовало полностью порвать с христианским наследием, продолжались вплоть до Первой мировой войны. Рихард Вагнер стоял за синтез, и его оперы были пронизаны «христианско-германским» духом. Этот подход требовал превращения Иисуса Христа в арийца, сына римского легионера, – такая идея была популярна среди последователей Вагнера, и ее подхватил Чемберлен (Weissmann 1991a: 38).

Зато Ницше яростно критиковал христианство за отход от героических ценностей, свойственных далеким предкам. Ницше прославлял варваров как прототип супермена. Он воспевал воинский дух, преклонялся перед образом воина, создавал культ героя, видел в древних рыцарях предшественников будущего «нового человека» и наделял их всеми лучшими человеческими достоинствами: прямотой, честностью, благородством души, чистыми помыслами и, особенно, преданностью своему народу и Отчизне (Mosse 1970: 162–163). Тем самым, антихристианская идеология современного неоязычества во многом восходит к представлениям Ницше, который наделял язычников героическим духом, приветствовал их тесную связь с природой и жизнелюбие и в то же время видел в христианстве религию рабов. В его представлении человечество клонилось к упадку, оставив позади мир сверхчеловека и жесткой социальной иерархии (Ницше 1997б). В то же время самому Ницше не удалось полностью порвать с христианским наследием, и в прошлом некоторые авторы полагали, что «его ожидало будущее трансцендентного христианина» (Figgis 1917: 143). Однако это не помешало ему стать провозвестником неоязычества и его первым теоретиком (Figgis 1917: 102–158, 309–316).

Как мы видели, в начале XX в. патриарх австрийской ариософии, неоязычества и антисемитизма Гвидо фон Лист объявил христианство злейшим врагом германской нации. Он воспевал дохристианскую германскую цивилизацию и пытался возродить «древнюю германскую идеологию» («вотанизм»). При этом он обращался к теософии и, кроме всего прочего, заимствовал оттуда символ свастики (Mosse 1966: 73–74; Goldstein 1979: 62–63; Weissmann 1991a: 42; Гудрик-Кларк 1995: 74).

Идеи Листа нашли своих поклонников среди эзотериков Мюнхена, разрабатывавших космическую философию и «германский культ друидов», а также развивавших теософию кармы и солярную мистику. Пытаясь соединить верования древних германцев с наследием раннего индуизма, они использовали древние индийские символы и нередко давали своим организациям имена индуистских богов. Вслед за Листом они отвергали научную методологию и призывали слушаться прежде всего «зова крови». В их устах, неразрывная связь людей с природой оказывалась биологической связью по крови, якобы придававшей человеку жизненную силу. Кровь объявлялась источником мудрости и «творческого инстинкта», а смыслом жизни оказывалось органическое народное единство, которое немцы должны были себе вернуть, обратившись к древним языческим верованиям. Как отмечалось выше, первым неоязыческим религиозным движением, основанным на этих началах в 1907 г., стал Орден Нового храма (Ordo Novi Templi) Ланца фон Либенфельса. Вслед за ним возникли Wodan-Bund (1909), Gesellschaft Wodan (1912), Urda-Bund (1911), Nornen-Loge (1912), Germanen-Orden (1912). Общим символом им служила свастика, и их участниками могли стать только те, кому удавалось доказать полное отсутствие родственных связей с евреями (Weissmann 1991a: 43).

Такого рода неоязыческие группы развивались в Германии начала XX в. рука об руку с немецкими националистическими движениями. Некоторые из них были близки национал-социалистам. В частности, сходные взгляды проповедовал выходивший с 1923 г. журнал «Ди Зонне» («Солнце»), рупор «нордического мировоззрения». Большую роль в пропаганде ценностей древнегерманской цивилизации сыграла художественная литература, и в 1910 – 1920-х гг. отдельные немецкие писатели призывали к созданию германского христианства или даже к вере в особого Германского Бога. Тогда делались попытки возрождения языческих ритуалов на лесных полянах, что научило будущих нацистов организации массовых культурно-идеологических мероприятий (Mosse 1966: 75–86; Hamilton 1971: 105).

Ариософские общества в Германии были ответвлениями австрийской ариософии. В основе их идеологии тоже лежали расизм, шовинизм и антисемитизм. Расистские политические партии и движения стали возникать в Германии еще накануне Первой мировой

войны, причем их костяк составляли члены более ранних антисемитских партий и движений, а также сторонники ариософии. Тогда в Германии и Австрии появилось множество таких групп (Союз молота, Орден вольсунгов, Артаманский орден и др.), хотя все они были малочисленными и скорее напоминали секты (Poliakov 1985: 28). В апреле 1911 г. в Магдебурге под руководством Германа Поля была создана арийская тайная организация («ложа Вотана»), где организовывались языческие ритуалы. Вскоре в различных городах Германии появились ее дочерние ячейки, позволившие уже в марте 1912 г. учредить Германский орден. Его лидеры видели в нем начало «ариогерманского религиозного возрождения» и стояли за формирование «расово чистой» германской нации, откуда следовало исключить «паразитические и революционные элементы (евреев, выродков и цыган)». Этой нации предназначалось править «низшими расами». Центром Германского ордена были Северная и Восточная Германия, но популярностью он не пользовался, и к началу войны в нем насчитывалось чуть более 300 членов, прошедших специальный соматический контроль: по своим физическим данным они и их жены должны были соответствовать образу «арийцев». Главными символами организации были рунические знаки и левосторонняя свастика. В первые послевоенные годы члены Ордена печально прославились убийствами ряда известных политических деятелей Германии и евреев (Гудрик-Кларк 1995: 139–151; Phelps 1963).

В годы войны Орден пришел в расстройство и распался. После войны некоторые из его деятелей пытались возродить его провинциальные отделения, но былого единства восстановить так и не удалось. Одно из таких отделений было возрождено в Мюнхене весной 1918 г. и в августе получило название Общество Туле. Это общество ясно обозначило свои «нордические» ориентиры, связав Туле с легендарной северной землей. Своей эмблемой оно сделало свастику, а один из его лидеров, Рудольф фон Зеботтендорф, предложил символ веры в виде «Троицы» (Вотан, Вилли, Ви), заимствованной из космогонических построений Гвидо фон Листа (Гудрик-Кларк 1995: 66, 162–163; Phelps 1963: 251–252; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 248; Godwin 1993: 47–51; Линденберг 1997: 15–16).

Послевоенная травма оказала на немцев сильное воздействие, и, в отличие от довоенного времени, численность Общества Туле быстро росла: 200 человек в Баварском отделении Германского ордена весной 1918 г. и уже 1500 человек полгода спустя (Гудрик-Кларк 1995: 160–161)[21]. Ноябрьская революция в Баварии заставила Общество предпринять решительные действия, тем более что его костяк составляли бывшие фронтовики, когда-то присягавшие кайзеру. Опираясь на ариософскую доктрину, Зеботтендорф призвал своих соратников выступить против захвативших власть «иудеев». В своей речи он помянул арийское триединство «Вотан, Вили, Ви». В данном контексте это означало готовность умереть за единство нации, понимаемой как кровнородственная общность, которой угрожали «инородцы». В тот момент Зеботтендорф, по мнению некоторых авторов, показал себя эффективным лидером контрреволюции (Goldstein 1979: 68–70; Гудрик-Кларк 1995: 163, 165–167) однако на этот счет имеются сомнения (Линденберг 1997: 20).

Хотя, по популярной, но не вполне надежной версии (Линденберг 1997: 21–24), НСДАП образовалась из рабочего кружка, основанного членами Общества Туле, для нее политические и социальные проблемы имели не в пример большее значение, чем ариософия. Поначалу радикальный национализм там пользовался неизмеримо большим влиянием, чем арийский расизм (Phelps 1963: 257). По сути, главным наследием ариософии там стала свастика, причем не лево-, а правосторонняя. Это произошло вопреки эрудированному эксперту Общества Туле, Фридриху Крону, ссылавшемуся на буддизм, где левосторонняя свастика означает удачу и здоровье, а правосторонняя – упадок и смерть. Но большинство

[21] Впрочем, эти данные, приведенные Зеботтендорфом, вызывают у некоторых специалистов резонные сомнения (Линденберг 1997: 18).

членов как Общества Листа, так и Общества Туле не придавали этому большого значения и предпочитали правостороннюю свастику. Того же мнения придерживался и Гитлер. Так символом нацизма и стала правосторонняя свастика, вписанная в белый круг на красном фоне, – этот дизайн был предложен все тем же Кроном. Впервые такая свастика появилась на митинге НСДАП в Штарнберге 20 мая 1920 г. (Гудрик-Кларк 1995: 169–170).

В 1920-х годах оккультные идеи получили в Германии большую популярность. Их ярким выразителем являлся Рудольф Йохан Горслебен, пропагандировавший арийский мистицизм и доказывавший превосходство «арийцев» над другими расами. Потерпев неудачу на политическом поприще, он увлекся эзотерикой, поставив своей целью создание расово чистого человечества под водительством арийцев. Последних он считал «сыновьями Солнца», равными богам и потому призванными завоевать весь мир и установить в нем расовый порядок. Кроме того, Горслебен был фанатическим приверженцем магии рун и видел в них «проводники тонких энергий». Он же разрабатывал эзотерический подход к пониманию скрытого смысла кристаллов. Примечательно, что одним из его помощников был будущий популяризатор расовой антропологии Ганс Гюнтер. Кроме того, идеями Горслебена тогда были увлечены некоторые немецкие писатели и даже чиновники, находившие в них аргументы в пользу немецкого национализма (Гудрик-Кларк 1995: 173–178).

Среди других эзотерических групп можно выделить редакцию учрежденного Г. Ломмером в 1929 г. журнала «Асгард», провозглашавшего «борьбу за богов Родины». Эта борьба тоже имела антисемитский подтекст, и с журналом сотрудничал русский эмигрант Г. Шварц-Бостунич, фанатичный антисемит и сторонник конспирологии (Гудрик-Кларк 1995: 181–182, 188–189). В эти годы на острове Рюген недалеко от легендарной Арконы даже возникла расистская Община свастики (Гудрик-Кларк 1995: 185).

Иными словами, в Германии и Австрии эзотерика теснейшим образом переплелась с местным агрессивным национализмом и расизмом и сделала существенный вклад в формирование нацистской идеологии (Goldstein 1979; Spielvogel, Redles 1986; Васильченко 2008: 468–472). И вовсе не случайно в 1920-х и начале 1930-х гг. ариософии симпатизировали правые политики и некоторые государственные чиновники, а сами ариософы то соблазнялись политической деятельностью, то бросали ее и углублялись в эзотерические штудии или занимались писательским трудом. А самые видные из них приветствовали нацизм и активно пропагандировали расизм и «религию чистой крови» (Гудрик-Кларк 1995: 183–196).

Глава 3
Нацистский след

Типы национализма

Описанные выше течения общественной, научной и религиозной мысли неизменно эксплицитно или имплицитно включали идеологию национализма. Вместе с тем национализм как направление мысли неоднороден. В нем можно выделить по меньшей мере два течения. Обычно ученые характеризуют их как политический (гражданский) и культурный (этнический) национализмы. Первый делает акцент на гражданстве и требует безусловной лояльности данному государству, рассматривая его население как единое целое вне зависимости от расовой или культурной принадлежности. Второй говорит об органическом единстве, понимая под ним основанную на традиции культурную целостность независимо от гражданства. Первый проявил себя во Франции в период Великой французской революции, и его лозунгом было политическое равенство всех граждан независимо от цвета кожи, религиозной принадлежности и т. д. Второй зародился в Германии на рубеже XVIII–XIX вв., когда страна была раздроблена, и поэтому он сделал своей основой культурное единство всех немцев независимо от их государственной принадлежности. Теоретически этот подход обосновал Гердер, который, по словам Л. Дюмона, первым приписал культуре черты индивида (Dumont 1994: 10–11). С тех пор в литературу надолго вошло понятие культурной личности, вслед за немцами использовавшееся, в частности, евразийцами. В определенных условиях такой национализм способен заявлять о своих политических амбициях, и тогда речь идет о стремлении к созданию «этнически чистого» государства, что, следовательно, предполагает проведение «этнической чистки». В этих случаях государство служит лишь политическим обрамлением для культуры (Dumont 1994: 45)[22].

Национализм может обладать позитивным зарядом, обеспечивающим ускоренное развитие, а может – негативным, ведущим к распаду государства. В первом случае речь идет о кардинальной смене государственного устройства – переходе от монархии к демократии или народовластию или же о преодолении колониального господства. Если в результате устанавливается демократический режим, это открывает путь социальной мобильности и уничтожает все препоны для проявления народной инициативы в самых различных сферах социальной жизни. Во втором случае лозунгом является борьба доминирующего большинства против меньшинств, якобы противоправно захватывающих соблазнительные социальные позиции. Такая коллизия возникает, как правило, при нехватке демократии, что характерно для диктаторских или авторитарных режимов, когда люди ощущают себя отлученными от власти, но их справедливый протест искусно направляется политиками в ложное русло. Это ведет к этническим чисткам или геноциду и имеет лишь разрушительные последствия.

В основе идеологии германского национализма лежало холистическое представление о населении, объединенном общими языком и культурой, как о спайном организме, имеющем общую духовность и общий психический склад, отличающиеся от таких же характеристик других народов. Эта духовность якобы передается из поколения в поколение, то есть фактически наследуется биологическим путем, что связывает данный народ и с определен-

[22] Сдвиг от «культурной (этнической) нации» к современной (политической) происходил в Германии только в последние 20–25. Об этом см.: (Данн 2003).

ным физическим обликом. Кроме того, это обусловливает необычайную глубину и непрерывность истории народа, который тем самым оказывается бессмертным. А потому открываются широкие перспективы к поиску его корней в самом отдаленном прошлом. Более того, культивируется представление о том, что именно в отдаленном прошлом народ обладал первозданной моральной чистотой, и этим такое прошлое было особенно ценно (Mosse 1966: 16, 67). Поэтому, в частности, немецкий национализм так высоко ценил крестьянство, представлявшееся ему более близким как к природе, так и к исконной самобытной культуре.

Националистическая концепция исходит из идеи внутренней гармонии. Считается, что, имея общий дух, данный народ неизбежно должен иметь и общие интересы, разделять общую идеологию. Радикальный национализм («интегральный национализм», по Шарлю Моррасу) признает деление общества на социальные группы или классы, но рассматривает их как функциональные категории, работающие на общее дело. Следовательно, идеальной политической организацией такого народа может служить единое общенародное государство с одной партией и одним лидером. Именно такое решение политических проблем и предложили в свое время нацисты, выдвинувшие лозунг: «Один народ, одна партия, один фюрер» (Hermand 1992: 190). А еще раньше весьма сходную позицию занимали русские черносотенцы (Раскин 1992а: 26–27). В основе такой идеологии лежит и представление о локальных культурах, развивающихся исключительно своим своеобразным путем, не имеющих ничего общего друг с другом и неспособных достичь полного взаимопонимания в силу их разного «духа». Часто отождествляя дух с религией, этот тип национализма иной раз пытается создать или возродить свою собственную религию или же национализировать одну из мировых религий, например христианство, в лице какой-либо одной ее конфессии, и свести ее роль к чисто локальному вероучению. Вот почему Генрих Гейне в свое время связывал национализм с язычеством (Гейне 1888: 22), и вот почему разделявший это мнение Н. Бердяев видел определенную логику в том, что германский антисемитизм имел тенденцию к превращению в антихристианство (Бердяев б. г.: 4, 8). А Д. С. Пасманик прозорливо заметил, что последовательный антисемитизм должен отвергать не только иудаизм, но и христианство. Он отметил, что, как это уже привело Германию к поклонению Одину, так это неизбежно приведет Россию к поклонению Перуну (Пасманик 1923: 95).

В этой связи интерес представляет энциклика, изданная папой римским 15 марта 1937 г. по поводу того, что тогда происходило в Германии. По мнению папы, «только поверхностные умы могут говорить о национальном боге, о национальной религии… которая существует в границах одного народа, в тесноте единства крови одной-единственной расы. Это есть новое агрессивное язычество». Продолжая эту мысль, Мать Мария говорила о «берлинской ереси», не сочетавшейся с христианством (Скобцова 1998: 86). В 1947 г. евангелический пастор В. Кюннерт отождествил нацистскую идеологию с «паганизированным христианством» и назвал Гитлера Антихристом (Weissmann 1991a: 67).

Различие между культурами рассматриваемая идеология объясняет не только «духом», но и более материальными факторами, как, например, природная среда. Признается, что «дух» сам по себе тесно связан с конкретным природным окружением и, более того, определяется им. Вот почему тесные контакты разных культур друг с другом таят якобы определенную опасность, ибо разрушают «дух нации», что ослабляет ее и делает уязвимой, в частности, для врага. А враг, явный или тайный, есть всегда – в этом националисты рассматриваемого типа не сомневаются. Национализм, как и марксизм, считает, что в истории действуют крупные массы людей. Но если марксизм ассоциирует такие массы с социальными классами, то для национализма действующими силами истории являются народы, а для расизма – расы. По мнению радикальных националистов и расистов, история – это веч-

ная борьба народов или рас друг с другом в духе социодарвинизма[23]. Вредоносные действия отдельных конкретных лиц эта концепция тут же объявляет реализацией тайных умыслов враждебного народа или даже некоего деперсонифицированного «мирового зла». Соответственно, важным компонентом этой концепции является атавистическое понятие о мести и круговой поруке. Скажем, агрессия данного народа против другого объявляется справедливым возмездием за то зло, которое тот причинил предкам много веков назад. Этот «оборонительный» аргумент едва ли не универсален для риторики агрессии. Он же, наряду со стремлением сохранить культуру в первозданной «чистоте» и уберечь ее от засорения чужеродными элементами, служит оправданием для этнических чисток.

[23] Впервые такая концепция была сформулирована польским социологом Людвигом Гумпловичем в 1885 г.

Нацизм и паранаука

Германский нацизм отличался ярко выраженным антиинтеллектуализмом, стремлением подчинить науку злободневным интересам нации или государства. Так, в Третьем рейхе ценность научной методологии и объективного знания отрицалась, а единственной путеводной нитью для историков объявлялся германский патриотизм (Fest 1979: 388–390). На этой основе в Германии 1930-х гг. расцвели псевдонаучные школы, которые, заручившись поддержкой нацистских властей, осуществляли погромы против своих оппонентов. Таковой была школа австрийского инженера Ганса Горбигера, рисовавшая мистическую схему развития мировой истории, опиравшуюся прежде всего на полное доверие к древним мифам и дававшую им фантастическую трактовку. Эта школа широко пропагандировала теорию катастроф, идею о «допотопных цивилизациях» (в частности, об Атлантиде), о людях-богах, о цикличности мировой истории, обусловленной вечной борьбой между «космическим льдом» и огнем. В частности, эта концепция включала учение о том, как Луна была захвачена Землей, что будто бы и привело к изменению положения полюсов, за чем последовало оледенение, вызвавшее смену рас и упадок цивилизаций. Сторонники этих взглядов верили в то, что создатели прежних цивилизаций обладали высшими знаниями, которые и не снились современному человеку. Они якобы сохранили эти тайные знания для будущих поколений, которым надлежит раскрыть загадку. Другая псевдонаучная нацистская школа исповедовала идею «полой Земли» (Повель, Бержье 1991: 24–39, 51–55; Hermand 1992: 193; Godwin 1993: 190; Jordan 2001: 183)[24].

Одним из таких псевдоученых в области первобытности был голландско-немецкий этнолог Герман Вирт, еще в 1920-х годах выступавший одним из лидеров радикального националистического движения немецкой молодежи. Он был протеже немецкого кофейного фабриканта Людвига Розелиуса и находился под большим его влиянием (See 2006: 84). Занимаясь глобальным сравнением доисторических рисунков и орнаментов и вырывая их из исторического контекста, Вирт давал им совершенно произвольную интерпретацию, в частности видя в них следы первобытной письменности. Этим способом он «обнаружил» некую никогда не существовавшую древнейшую «атланто-нордическую культуру», якобы созданную «атланто-нордической расой» и распространявшуюся волнами из Арктики. Его книга «Заря человечества», посвященная этому «открытию», была опубликована в 1928 г. В ней он настаивал на том, что Атлантида реально существовала в Арктике, что ее исчезновение было следствием смены местоположения полюсов Земли, а упадок изначальной высокой культуры был вызван переселением арийцев на юг и их смешением с аборигенами. В те годы археологи обнаружили на Американском Севере древнеэскимосскую «культуру Туле», относившуюся к 1-му – первой половине 2-го тыс. н. э. Но Вирт произвольно датировал ее эпохой позднего палеолита и приписал «нордической расе», а Розелиус заявил: «Мы – древнейший народ на Земле» (See 2006: 84–85, 96–99).

Завороженный своими «научными открытиями», Вирт обличал буржуазный образ жизни со всеми присущими ему пороками и призывал вернуться к «научно установленным» ценностям древнейшей первобытной культуры. Множество резко критических рецензий и откликов специалистов, считавших его шарлатаном, оказались не в состоянии повредить привлекательности его построений у немецкой публики. Немалую роль в этом сыграла его поддержка некоторыми учеными-почвенниками. При этом споры велись не столько о научной методологии, сколько об идеологической роли его «нордической теории». Вирта поддерживали те немецкие журналы («Солнце», «Северный мир», «Северные голоса», «Герма-

[24] Об истории фантазий по поводу «полой Земли» см.: (Godwin 1993: 106–123).

ния»), которые находили его «нордические» идеи полезными для развития этнорелигиозного движения, до боли напоминавшего то, которое мы сейчас наблюдаем в России в лице русского неоязычества. Правда, они вели поиск отнюдь не славянской, а «исконной германской религии». Впрочем, их не все устраивало в концепции Вирта; его мысли о прамонотеизме и о первобытных истоках христианства шли вразрез с их откровенно антихристианской позицией.

Карьера Вирта увенчалась тем, что в 1935 г. он удостоился поддержки руководителя СС Генриха Гиммлера и стал основателем знаменитого Аненербе («Наследие предков»), псевдонаучной организации, сочетавшей поиск потерянной древнейшей цивилизации с эзотерическими представлениями. Вирт провозгласил первобытную «нордическую культуру» идейным основанием для национал-социализма. И в этом смысле Вирт был одним из тех, кто приложил максимум усилий для того, чтобы вернуть Германию XX в. назад в первобытную эпоху.

Впрочем, это мало помогло его карьере, закатившейся в 1938 г. столь же внезапно, как и взошедшей тремя годами ранее. На это было несколько причин. Вирт был фанатичным сторонником идей изначального матриархата и первобытного коллективизма; он доказывал, что древнейшее государство арийцев управлялось Великой Матерью, и полагал, что человечеству следует искать спасение в возвращении к порядкам древнего материнского права. Такое будущее не устраивало нацистов, и Вирт едва не попал за это в концентрационный лагерь (Mulot 1990: 274; Hermand 1992: 205–206; Godwin 1993: 56; Goodrick-Clarke 2002: 130). Кроме того, еще в 1934 г. Вирт подвергся разгромной критике со стороны профессиональных ученых за свою вторую книгу, посвященную «первописьменности», возникшей якобы в глубокой первобытности. Его подвела вера в аутентичность поддельной фризской хроники «Ура Линда», где говорилось о гибели Атлантиды будто бы в 2193 г. до н. э. (Jacob-Friesen 1934; Mulot 1990; Эрлихман 2011). Это, наряду с оккультными убеждениями Вирта, также могло послужить Гиммлеру поводом к его отставке – ведь Гиммлер жаждал, чтобы Аненербе получила признание в научном мире как подлинный центр высокой учености (Poewe 2006: 24). Определенную роль сыграли и натянутые отношения Вирта с молодыми коллегами, мечтавшими о быстрой карьере (Schnapp 1977: 6; Hermand 1992: 191; Leube 1998: 401–403; Wiwjorra 1996: 180–182; Васильченко 2008: 18–19, 44–48, 59–61), а также его весьма вольное обращение с финансовыми средствами (Жуков 2006: 205).

«Нордический миф» Альфреда Розенберга

Крайних пределов антиинтеллектуализм достиг у Альфреда Розенберга, чья книга «Миф двадцатого века» была для нацистов второй по важности после «Майн кампф»[25]. Заявляя о необходимости заново переписать мировую историю, Розенберг видел основной ее стержень в вечном межрасовом конфликте, что и легло в основу официальной нацистской идеологии. Он приписывал все крупнейшие достижения мировой культуры людям «нордической крови» и сокрушался по поводу нынешнего упадка германской культуры, которую разъедал дух либерализма. Розенберг связывал творческий дух с расой и отказывал в нем тем, кто происходил от смешанных браков. В смешении рас он усматривал универсальную причину упадка древних цивилизаций (Rosenberg 1930)[26].

Розенберг рассматривал расу как органическое единство души и тела, и с этой точки зрения сам образ мышления человека определялся строением его тела. Поэтому оказывалось возможным говорить о «расовой душе», и это иррациональное понятие сопровождало все труды Розенберга. Расовые мистические основы для него имела и культура, которую он противопоставлял наносной механической цивилизации. В то же время культура была теснейшим образом связана со своим носителем-народом, причем немецкий термин *Volk* в этом контексте определялся прежде всего неразрывными кровными узами и оказывался неотличимым от все той же расы (Chandler 1968: 27; Wiwjorra 1996: 168, note 1). Свое место среди этих идей находила и мысль о неизменном национальном характере. Итак, круг замыкался, и народ выступал как органическое единство физического и духовного (Rosenberg 1930: 437). Нетрудно понять, как эти «культурологические идеи» обосновывали концепцию тоталитарного политического режима, враждебного любой демократии и сознательно ограничивавшего себя одним идеалом, одной-единственной политической партией и одним фюрером. По Розенбергу, «расовая душа» воплощалась в государстве, культуре и религии (Rosenberg 1930: 559; Viereck 1965: 230–231, 243). Правда, нацистская концепция расы не отличалась строгостью и не раз изменялась в угоду политической целесообразности. Могло ли это быть иначе, если даже у Гитлера и многих других нацистских вождей форма черепа не соответствовала «арийским» стандартам (Viereck 1965: 293–294; Chandler 1968: 70; Godwin 1993: 48)?

Выстраивая свою концепцию, Розенберг отчетливо сознавал, что она базировалась не столько на тщательно установленных фактах, сколько на мифе, и не случайно его основной труд носил название «Миф двадцатого века». Он сознательно строил миф, «миф крови», или «религию расы» (Viereck 1965: 293), рассчитывая на то, что тот поможет создать принципиально нового человека. Мало того, он специально оговаривался, что речь идет о его собственных воззрениях, обращенных не к специалистам, а к широкой публике, которая якобы мучается в поисках новой могущественной идеологии. По словам одного аналитика, «Розенберг навевал зевоту как на необразованных, так и на хорошо образованных людей, но считался богом у полуобразованных» (Viereck 1965: 219)[27]. Розенберг упрекал цивилизацию в излишнем интеллектуализме, разрывающем живительные нити, связывающие людей с расой и природой. Интеллектуализму он пытался противопоставить могущественный миф, понимая его как нечто, содержащее гораздо более глубокую истину, чем та, на которую способны наука или здравый смысл. Речь шла об интуитивной философии, включавшей

[25] Розенберг был одним из наставников Гитлера, и, по словам эксперта, многое в «Майн кампф» было просто пересказом его идей (Viereck 1965: 252). См. также: (Лакер 1991: 102–114; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 153–154).

[26] Подробно о взглядах Розенберга см.: (Chandler 1968; Cecil 1972; Fest 1979: 253–254; Hermand 1992: 184).

[27] Впрочем, Розенберг и сам оставался полуобразованным человеком (Cecil 1972: 15).

представления о мире, способные увлечь людские массы, направив их энергию на исполнение заданной цели. Миф, создаваемый Розенбергом, был обращен к конкретной аудитории, к «нордическим людям». Тем самым, он пытался помочь немцам преодолеть разочарования и пораженческие настроения, охватившие их после неудачи в Первой мировой войне. Расовый миф должен был, по его мысли, сплотить их ради построения новой невиданной ранее цивилизации (Rosenberg 1930: 1–2. Об этом см.: Viereck 1965: 229; Chandler 1968: 6; Cecil 1972: 61–63).

Как свидетельствуют современные австрийские ученые, этот миф имел четкие политические функции. Во-первых, он был призван создавать и упрочивать общегерманскую идентичность, во-вторых, оправдывал милитаризацию и войну, в-третьих, отрицал ценность демократии, в-четвертых, обосновывал авторитарный режим и выковывал культ вождя, в-пятых, укреплял патриархальное мировоззрение, в-шестых, легитимизировал борьбу против христианства и церкви, в-седьмых, утверждал органический взгляд на общество, в-восьмых, воспевал крестьянство и сельскую идиллию, наконец, в-девятых, призывал к слиянию с природой и выражал резкое неприятие современной технической цивилизации (Gugenberger, Schweidlenka 1993: 91, 122–134). Для построения такого мифа Розенберг использовал исландскую «Эдду», германскую «Песнь о Нибелунгах», индийскую Ригведу и греческую «Илиаду».

Вместе с тем, вопреки этим источникам, не знавшим понятия расы, историософия Розенберга делала расовый фактор ведущей силой истории и сводила суть истории к борьбе рас. При этом его в особенности вдохновляли достижения археологии, геологии и сравнительной мифологии, и он с упоением искал следы вымерших цивилизаций. Его увлекала модная в начале XX в. гипотеза Горбигера о смене земных полюсов, и он верил в то, что когда-то климат северных широт был настолько мягче, чем сегодня, что допускал расцвет некоей допотопной цивилизации. Розенберг предполагал, что в те далекие времена на Севере существовал обширный континент, сопоставляемый им с легендарной Атлантидой. Там-то, на его взгляд, и возникла одаренная раса голубоглазых и белокурых арийцев, которая разнесла свою высокую культуру по всей земле после того, как древний континент ушел под воду. Сознавая свой дилетантизм, Розенберг делал следующую оговорку: «Даже если гипотеза Атлантиды не оправдается, все же придется принять идею существования нордического доисторического центра культуры» (Rosenberg 1930: 24–25).

Идея примордиального культурного центра на далеком Севере была символом веры мистического Общества Туле, с которым Розенберг был связан в 1919–1920 гг. (Cecil 1972: 22). Между тем даже лояльные нацистской идеологии немецкие профессиональные археологи и физические антропологи не пытались искать индоевропейскую прародину севернее Балтийского региона. В целом же споры между учеными XX в. велись прежде всего о пяти вероятных центрах возникновения протоиндоевропейского единства – балтийско-черноморском, анатолийском, балканском, центральноевропейском и степном (черноморско-каспийском). Эти споры и ныне продолжаются, но проблема какого-либо примордиального арктического центра специалистами не обсуждается как не имеющая отношения к науке (Mallory 1997; Demoule 2014).

Чем же Розенбергу была так дорога эта псевдонаучная идея, что без нее он не мыслил никакой историософии? Он был убежденным сторонником идеи полигенизма, к чему его толкала органическая расовая теория. Она говорила, что расы возникали без связи друг с другом и развивались своими собственными путями. Сторонники этого подхода верили, что каждое культурное достижение могло быть создано только строго определенной группой людей, а его распространение по земле было результатом их широких миграций из какого-то исконного центра. Особое значение Розенберг придавал мифам и настаивал на том, что главный из них, солнечный миф, происходил с далекого Севера, где сезоны года были ярко выра-

жены и значение живительного солнечного света осознавалось особенно остро. Именно оттуда происходили культуртрегеры-арийцы, воины-мореплаватели, и их златокудрый бог Аполлон вместе с воинственной Афиной Палладой. По Розенбергу, приплыв из Северной Атлантики, они постепенно заселяли Средиземноморье, Северную Африку и распространялись далее на восток вплоть до Китая (Rosenberg 1930: 26–29. Об этом см.: Chandler 1968: 18–22). Загипнотизированный идеей высшей нордической расы «атлантов», Розенберг даже ухитрился причислить к ней аморитов (то есть семитоязычных амореев). Тем самым, Иерусалим оказывался плодом труда представителей «нордической расы», якобы заселившей Галилею и дошедшей до Иудеи задолго до прихода израильтян в Палестину. Эта идея позволяла Розенбергу вслед за Чемберленом отлучить Иисуса Христа от евреев и сделать выходцем из все тех же голубоглазых и белокурых арийцев (Rosenberg 1930: 27, 76. Об этом см.: Chandler 1968: 30–31, 42; Davies 1981: 296–297). Розенберг верил, что все эти миграции начались еще в каменном веке, и предполагал, что «атланты» несли с собой систему символов, заложившую основу для развития письменности. Вклад эзотерики в эти представления более чем очевиден.

Описав триумфальное шествие нордической расы по Старому Свету и создание ею древнейших цивилизаций, Розенберг переходил к выяснению причин их упадка. Его вывод был неутешительным – всему причиной было социальное равенство, неизбежно ведущее к расовому смешению, а последнее порождало лишь «ублюдков». Так с железной последовательностью происходило в Индии, Персии, Древней Элладе и Риме (Rosenberg 1930: 28, 31, 34, 52, 54, 75ff.). Вначале арийцы теснили предшествующих обитателей, «азиатов» и «семитов», причем семитом, например, оказывался легендарный царь Минос, а к вредоносным «азиатам» Розенберг относил этрусков, которых некоторые русские авторы-почвенники так настойчиво стремятся связать с «русскими арийцами»[28]. Зато впоследствии «азиаты» перешли в контрнаступление из своих центров, расположенных в Малой Азии. Розенберг сожалел о том, что, победив Карфаген, римляне не довершили свой успех разгромом всех «семитско-еврейских центров» Ближнего Востока; в противном случае, рассуждал он, мировая история могла бы сложиться иначе. На деле же наступила эпоха физического межрасового смешения, которое неосмотрительно допустили наивные арийцы, введя демократические порядки – послабления в отношении рабов, эмансипацию женщин, помощь бедноте.

Борьбе арийцев с азиатами Розенберг пытался придать религиозный характер: арийские небесные боги выступали в его книге против малоазийских земных богов. При этом он искажал мысли своего любимца Ницше: если тот связывал «сверхчеловека» с верой в бога Диониса и принижал роль Аполлона в жизни древних эллинов, то Розенберг, напротив, воспевал Аполлона, а в Дионисе находил низменные черты «азиатчины»[29]. Для Розенберга Аполлон воплощал в себе возвышенную гиперборейскую сущность арийцев и их духа. Это плохо соответствует реальности, ибо, вопреки Розенбергу, культ Аполлона имел малоазийские корни. Столь же сомнительными были и его представления о развитии религии: упадок «нордической расы» он связывал, в частности, с тем, что место прежних светлых патриархальных богов заняли привнесенные из Азии образы богинь со змеями; на самом же деле все происходило ровно наоборот – образы богинь в Эгеиде относились к более раннему периоду. В поисках изначальной нордической традиции Розенберг и другие нацистские авторы обращались прежде всего к скандинавской «Эдде», не учитывая того, что, во-первых, ее тексты окончательно сложились в Исландии лишь в X–XIII вв., где германское наследие было существенно переработано, а во-вторых, испытали значительное влияние христи-

[28] Любопытно, что этруски вызывали у Розенберга не меньшее раздражение, чем «семиты» (Rosenberg 1930: 79–85). Об этом см.: (Viereck 1965: 225, 274, 285).

[29] Розенберг даже обнаруживал прямую связь между «демоническим царем Саулом» и «приземленным похотливым Дионисом».

анской литературной традиции. Ни о какой примордиальной германской традиции здесь речи не было (Мелетинский 1968: 12–18, 341–343; Стеблин-Каменский 1984; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 89).

Все эти и другие многочисленные искажения исторических фактов, с самого начала отмеченные критиками, мало смущали Розенберга. Ученых он называл «коллекционерами фактов», лишенными творческой фантазии, и полагал, что с их аргументами можно не считаться. Ведь в конечном итоге, убеждал Розенберг, любая философия основывается не на формальной логике, а на вере. Не следует также забывать, что его духовным пастырем был Хьюстон Чемберлен, не имевший, подобно ему, ни специального исторического, ни специального антропологического образования (Viereck 1965: 273–274)[30]. Истина для Розенберга состояла не в умении отличить «логическое от ложного, а в органическом ответе на [заданный] вопрос», то есть в том, что соответствовало интересам «органического единства» (в данном случае – «органического расово-народного мировоззрения»). В результате Розенберг приходил к выводу о том, что миф сам будет создавать факты.

Далее, Розенберг объявлял непримиримую войну христианству, в котором, как он полагал, сконцентрировалась вся суть конфликта современного мира. Для него христианство не соответствовало «германскому духу», и он требовал заменить христианский крест свастикой (Cecil 1972: 82–83, 91–92; Fest 1979: 254–255). Будучи непримиримым противником Римско-католической церкви, он доказывал, что у ее основ стояли «этрусско-сирийские жрецы» и евреи. Будто бы это они организовали средневековую охоту на ведьм, тем самым погубив последние остатки исконной «арийской веры»; это они погубили 9 млн еретиков, в которых Розенберг, вопреки фактам, желал видеть истинных представителей исконного германского духа. С его точки зрения, одним из наиболее пагубных действий Церкви было ее стремление навязать всем людям независимо от расы единую систему верований, единый язык и единый ритуал. Он также обвинял ее в навязывании нордическим людям идеи греховности мира, которой у тех изначально не было, так как она появилась будто бы в результате смешения рас. И он предсказывал, что и люди, и сама природа восстанут против этого навязанного им неестественного порядка вещей, противоречащего глубинным расовым и культурным различиям. По его словам, такое восстание уже началось.

Наконец, следует заметить, что среди нацистов А. Розенберг был одним из самых яростных противников Советской России и это по его совету Гитлер задумался о колонизации славянских земель, в частности об аннексии Украины. Правда, по мнению ряда аналитиков, антипатия Розенберга к России вызывалась скорее антикоммунизмом, чем русофобией (Viereck 1965: 215–216, 220–222, 253; Cecil 1972: 32–33). Тем не менее нацистская программа предусматривала порабощение славян (Cecil 1972: 187–190). Между тем нынешних русских поклонников Розенберга это не волнует, и они с благодарностью заимствуют из его «бессмертного произведения» целыми кусками.

[30] Сам Розенберг окончил Технический университет, где защитил диплом по архитектуре крематориев. Кстати, он и не претендовал на звание антрополога (Cecil 1972: 19, 90).

Нацизм и христианство

Таким образом, арийский миф был теснейшим образом связан с традиционным европейским антисемитизмом, обогатив его новой расовой идеологией. Этот миф был направлен против евреев, причем в ходе своей эволюции он порвал с традицией христианского антисемитизма и принял откровенно антихристианский характер (Поляков 1996; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 97–98)[31]. Идею вредоносности «еврейского христианства» нацисты позаимствовали у немецкого антисемита П. де Лагарде, которому они были обязаны и попытками изобретения чисто германской религии (Cecil 1972: 68, 70, 98–99). Особую ярость у нацистов вызывал Ветхий Завет – Гитлер называл его не иначе как «Библией Сатаны», а Розенберг вовсе требовал его запретить как «проводник еврейского влияния». По Розенбергу, его следовало заменить нордическими сагами. Он также требовал выбросить из христианства положения о смирении и любви к слабым, а Христа сделать героем, а не мучеником (Rosenberg 1930: 603, 614–615; Булгаков 1991: 20–23). Однако немецкие католические богословы не могли это принять. Для них Ветхий Завет был неразрывно связан с христианством, причем, как они считали, это установил вовсе не апостол Павел, а сам Иисус Христос (Viereck 1965: 286). Как бы то ни было, подозрительное отношение нацистов к христианской церкви диктовалось их антисемитизмом, и Розенберг объявлял Талмуд программой завоевания мира евреями (Chandler 1968: 31; Cecil 1972: 74). Правда, имелась и еще одна экстравагантная теория, согласно которой сами евреи были якобы марионетками в руках тибетского Далай-ламы, будто бы искусно занимавшегося интригами против немцев (Viereck 1965: 297).

Интересно, что немало нацистов, включая Розенберга, если и почитали Христа, то лишь как одного из многих «арийских героев». В то же время они противопоставляли его христианской церкви. Ее основателем Розенберг называл апостола Павла, видя в нем фарисея, служившего еврейским интересам, ради которых он будто бы исказил учение Христа (об этом см.: Cecil 1972: 84–85). При этом вслед за Чемберленом и теософами Розенберг доказывал, что Христос не был евреем (Goldstein 1979: 61). Заимствуя много христианских понятий, Розенберг оправдывал это тем, что христианство впитало в себя элементы более древних верований (например, идею Троицы), но в искаженной временем форме (Cecil 1972: 95). В частности, он доказывал, что типичное для христианства изображение вооруженного копьем всадника на коне является не чем иным, как воспроизведением Вотана (Одина), германского языческого бога грозы, ярости и раздоров, получившего некоторую популярность в Германии накануне и сразу же после прихода нацистов к власти[32]. В частности, восторженным поклонником культа Вотана показал себя Балдур фон Ширак, вождь германской молодежи в эпоху Третьего рейха.

Многие нацисты не шли так далеко, и их устраивала Германская христианская церковь, объявлявшая избранным народом именно немцев и доказывающая, что Христос был послан именно к ним (Alles 2002). Как уже отмечалось, была и попытка создать Движение германской веры, основанной на расовых принципах с элементами германского язычества, индуизма и христианства (Poewe 2006). В целом отношение нацистов к церкви было неоднозначным и противоречивым. У них сложились в целом теплые отношения с протестантизмом и несколько натянутые – с католицизмом. Некоторые нацистские лидеры относились к христианству неприязненно, но другие таких негативных чувств не испытывали. Были среди них и верующие, и атеисты, и неоязычники. Правда, в эпоху нацизма под запрет попал

[31] Впрочем, нацисты все еще пытались совместить его с образом Христа-Зигфрида (Davies 1981: 297).

[32] На самом деле Церковь видела в языческом Вотане дьявола, и он вряд ли мог повлиять на ее позитивную символику.

Ветхий Завет из-за своих слишком очевидных ассоциаций с иудаизмом (Conway 1968; King 1982: 1–7; Жуков 2006: 96 – 126).

При этом нацисты активно пользовались германским языческим наследием, включая мифологические сюжеты, ритуалы и символы. Так, 24 июня 1935 г. по приказу Геббельса по всей Германии проходили массовые празднования дня летнего солнцестояния, посвященного языческому богу Вотану. Самыми активными участниками этих торжеств были юноши и девушки из гитлерюгенда. На месте одного из таких празднеств выступал Геринг. Он вдохновенно говорил о «чистой северогерманской крови» и о необходимости возрождения языческих обрядов для сплочения народа (Гофман 1935). А незадолго до того Г. Гиммлер присутствовал на открытии специально выстроенной «каменной галереи» в Заксенхайне, которой суждено было стать местом паломничества и преклонения перед героями-саксами, казненными Карлом Великим (Васильченко 2008: 481–482). В свою очередь скалы Экстерштайна (Вестфалия) с расположенной там небольшой молельней были провозглашены нацистами «германским Стоунхенджем», где якобы в древности совершались языческие ритуалы (Васильченко 2008: 530–559).

Тогда святого Мартина нацисты начали изображать в виде вооруженного мечом Вотана, а святого Георгия и святого Михаила – в образе нордических рыцарей. Розенберг с воодушевлением писал об изучении древней германской символики, открывающем путь к познанию исконных нордических верований и представлений о мире. Впрочем, Гитлера, интересовавшегося главным образом практической политикой, язычество и оккультные представления не вдохновляли, подавляющее большинство нацистских руководителей не относились к этому всерьез, и культ Вотана не привился в народе (Godwin 1993: 52–57; See 2006: 115)[33]. В конечном итоге единственным религиозным учением, закрепившимся в программе германских нацистов (статья 24), было «позитивное христианство» (Viereck 1965: 287–292; Weissmann 1991a: 57)[34].

На первых порах, не решаясь полностью порвать с христианством (свою книгу Розенберг писал в 1917–1925 гг.), Розенберг попытался разделить его на «позитивное», восходящее к нордическим, то есть языческим, ценностям чести (в смысле военной доблести)[35], и «негативное», пропитанное «сирийско-этрусским духом» любви. В частности, для первого важной была жизнь Иисуса Христа, а для второго – его смерть. Розенберг писал, что Церковь стремится править с помощью идеи любви, а нордические европейцы хотят жить свободно и умереть с честью. Но господство любви ведет, по его мнению, к расовой и культурной деградации. Он обвинял римско-католическое христианство в нетерпимости по отношению к другим верованиям, в стремлении любыми способами их искоренить. Его тяготило сознание того, что «этрусско-еврейско-римская система» ухитрилась подчинить себе миллионы немцев, не считаясь с их нордическими ценностями (Rosenberg 1930: 78–79, 599–636). По словам одного аналитика, «позитивное христианство Гитлера и Розенберга означало нордическое язычество вкупе с болтовней по поводу искаженного образа Иисуса» (Viereck 1965: 287). Лидеры нацистов и не могли питать нежных чувств к космополитическому христианству, этика которого коренным образом расходилась с нацистской идеологией (Cecil 1972: 84).

---

[33] Похоже, что тема «эзотерического нацизма» и демонизация Гитлера, придающие нацизму романтический образ, оказались более популярными во Франции (а сегодня и в России. См., напр.: Зубков 2007), чем в самой Германии (Ионкис 2009: 271; Godwin 1993: 52–57; Goodrick-Clark 2002: 110–118, 126–127, 172).

[34] Иного мнения на этот счет придерживался в середине 1930-х гг. Карл Юнг, видевший в движении «вотанистов» пробуждение опасных прирожденных архетипов (Юнг 1994: 213–230). Подробно о взаимоотношениях нацистов с Церковью, о строительстве «германской церкви» и изобретении германского Бога см.: (Weissmann 1991a: 56–63; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 116–118, 176; Conte, Essner 1995: 29–62).

[35] Но понятие чести в древнегерманском мире было настолько отличным от современного, что один из современных специалистов вообще предупреждал против их прямого сопоставления. См.: (Стеблин-Каменский 1984: 89).

Розенберг доказывал, что германское мировоззрение значительно отличается от того, которое представлено Ветхим Заветом. Древние германцы не признавали единого всесильного бога и не подчинялись ему. Напротив, они объявляли человеческую душу священной и считали себя равными своим богам природы. Именно в соответствии с этим Иисус говорил о Царстве Божьем внутри нас[36]. Германцы будто бы заботились о спасении всего народа, а для Церкви спасение могло быть только индивидуальным. Германцы руководствовались «героической этикой», а христиане проповедовали этику мира и согласия (Viereck 1965: 293). Кстати, это Розенберг, очарованный ранним индуизмом, предложил принять индуистскую идею переселения душ (Chandler 1968: 49–50, 79), по-видимому, для того, чтобы еще больше отдалить «германскую веру» от «этрусско-еврейско-римской системы». Впрочем, как подчеркивал его биограф, Розенберг хотя и увлекался ведической литературой, но мало что в ней понял (Cecil 1972: 14).

Среди других нацистских ценностей было понятие о превосходстве мужчин над женщинами, и нацисты поощряли культ маскулинности. Женщины фактически превращались в машины по производству потомства (Viereck 1965: 263–266; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 140–141). На удивление, нацистская идеология ухитрялась сочетать преклонение перед дохристианским наследием предков с типичной пуританской, то есть христианской, половой моралью, которую должен был олицетворять «нордический» Аполлон (Gugenberger, Schweidlenka 1993: 142–143).

Наконец, надо отметить, что вскоре после прихода Гитлера к власти «арийство» немцев было поставлено нацистскими властями под вопрос, ибо идея «пангерманизма» и объединения всех «германцев» в рамках одного государства решительно расходилась с принципом чистоты «арийской расы» – слишком уж разными по физическому облику были немцы, жившие в разных областях Германии, не говоря уже о немцах за ее пределами. Поэтому очень скоро «арийская идея» была оставлена германскими властями (Fetten 2000: 145–146), хотя она и была включена в немецкое законодательство, направленное против евреев.

[36] Идею «бога в душе» Розенберг заимствовал из учения почитаемого нацистами средневекового мистика, доминиканца Майстера Экхарта. При этом доказано, что Розенберг познакомился с его учением по плохому переводу его работы, искажавшему суть этого учения. Об этом см.: (Chandler 1968: 7, 47, 50, 56–59; Cecil 1972: 86–87).

Юлиус Эвола и неофашистская традиция

Еще одним любителем нордической прародины был итальянский фашистский философ Юлиус Эвола, в мировоззрении которого идея сакрального Севера играла едва ли не центральную роль. В юности он с увлечением предавался изучению магии, оккультных наук, алхимии и восточных религий и свои первые книги посвятил индуистской мистике, особенно тантризму. В этих учениях его более всего привлекали элитизм и иррационализм. Затем он обратился к западной эзотерике и алхимии и увлекся эзотерическим пессимизмом Р. Генона, которому он был обязан многими своими идеями. Все это легло в основу его книги «Бунт против современного мира» (1934), посвященной «примордиальной Традиции». Выступая сторонником теорий циклизма, полигенизма и деволюции, Эвола писал о бореальной (гиперборейской) расе, расселявшейся сначала с севера на юг, затем с запада на восток. При этом Эвола ставил кшатриев выше брахманов и приписывал им разные религиозные учения. В его представлениях именно кшатрии были носителями «нордического» солнечного начала.

Стержень его историософии составляли «нордическо-атлантическая раса», ее миграции и великие достижения. Древнейшую эпоху (Золотой век) он связывал с мужским принципом и верой в солнечное божество, а следующую (Серебряный век) – с женским принципом и культом богини-Матери. Доказывая, что характер культуры определяется «духовностью», а не этнической или расовой принадлежностью, Эвола, тем не менее, связывал некоторые расы с «южной (женской) духовностью» и называл их факторами упадка. Неблагоприятные изменения второй эпохи с ее знаками дегенерации он объяснял смешением славных гиперборейцев с остатками темной лемурийской расы («протонегроидами» и «протомонголоидами»). Все же часть арийцев сохранили свою исконную чистоту; они-то и заселили Европу и Индию. Периоды возрождения клонящейся к упадку цивилизации были, по мысли Эволы, связаны с приливом новых волн гиперборейцев с севера. Зато приход христианства был для него знаком беспредельного упадка с его отрицанием героического начала в пользу сострадания, с заменой иерархии равенством и с господством плебейства, не знающего ни долга, ни чести.

Иными словами, по его утверждению, если первая волна гиперборейцев сохраняла свой нордический характер, то западная цивилизация Атлантиды впитала много южных лемурийских черт, что породило дихотомию солярной, мужской или уранической духовности (североатлантические расы) и лунарной, женской или деметрианской духовности (смешанные южноатлантические расы). Все это определяло и метафизический антисемитизм Эволы, видевшего в евреях орудие модернизации и либерализма, отрицавших традиционализм. Будучи выходцем из Италии, Эвола по внешним данным никак не напоминал «арийца», о котором писали многие немецкие авторы. Поэтому он пересмотрел понятие «арийской расы», усилив значение ее духовной компоненты и сделав физический облик второстепенным признаком. Для него понятие «ариец» связывалось скорее с кастой благородных воинов, чем с биологической расой. С этих позиций германский нацизм казался ему «плебейским модернизмом» и вызывал отторжение (Гудрик-Кларк 1995: 211; Goodrick-Clark 2002: 52–71; Godwin 1993: 57–61). Полезно вспомнить, что в 1938 г. Муссолини сделал идеи Эволы официальной расовой доктриной фашизма. А во второй половине XX в. эзотерический фашизм стал одной из популярных форм фашизма на Западе, откуда он и проник в Россию (Griffin 1993). Например, в США маргинальные неонацистские движения порой выступали в виде радикальных церквей, исповедовавших «арийское христианство» (Kaplan 2002; Gardell 2005).

В 1920-х гг. Атлантида и идея нордической прародины возбуждали воображение немецких писателей. В частности, к этому был неравнодушен Горбигер, писавший об уничтожении древнейшего тевтонского царства в Атлантиде в результате космической катастрофы, связанной с захватом Луны Землей. Эти идеи были подхвачены немалым числом немецких писателей, повествовавших о Золотом веке белокурой расы в Атлантиде и о расселении ее остатков после гибели континента. Например, в романах эсэсовца Эдмунда Кисса Асгард представлялся столицей арийцев (асов), рисовалась иерархическая общественная структура, возглавлявшаяся кастой арийцев, и делались предупреждения о вероятном восстании подчиненных «темнокожих людей» (ванов). При этом читатель понимал, что речь шла об «инородцах», якобы угрожавших территориальной целостности германского государства (Hermand 1992: 99, 193–198; Gugenberger, Schweidlenka 1993: 246–247; Goodrick-Clark 2002: 132–134).

Миф об Атлантиде и ее арийских обитателях продолжал обслуживать праворадиальные движения и после окончания Второй мировой войны. Его, например, популяризировал шлезвигский пастор Ю. Шпанут, помещавший Атлантиду в Северную Европу. Еще более влиятельным его сторонником был бывший министр вишистского правительства Робер Шарру, включавший в свое повествование идею о вечной вражде между гиперборейцами и евреями. Этот миф, делающий акцент на теократии, иерархии и войне и не упускающий возможности обсудить проблему «еврейского заговора», до сих пор популярен у ариософов, эзотериков и среди крайне правых, которые теперь пытаются освежить его идеями космизма. Если Фабр д'Оливе писал когда-то о том, как «бореальная раса» попала в рабство к «черным», то некоторые современные писатели изображают покорение «северных атлантов» «черными семитскими магами» в глубокой первобытности (Gugenberger, Schweidlenka 1993: 248–252; Godwin 1993: 63–69; Goodrick-Clark 2002: 80–81, 117–118, 128–131, 137).

Едва ли не ключевую роль в передаче нацистского арийского мифа неонацистам и создании неонацистского культа Гитлера сыграла Максимьяни Портас. Родившись во Франции, она всю жизнь гордилась своими греческими корнями. К концу 1920-х гг. она почувствовала склонность к язычеству, стала поклонницей германского национал-социализма и усвоила арийский миф, поверив в свое «нордическое происхождение». Позднее это привело ее к вегетарианству, вере в полярную прародину, представлению о циклической смене эпох и прославлению Гитлера как воплощения бога Вишну. Это сочеталось у нее с откровенным антихристианством и презрением к «неарийцам», ибо, чувствуя себя язычницей, она превозносила «этнические религии» и их главным врагом считала иудеохристианство. В 1932 г. она переехала в Индию, где и пережила эпоху Третьего рейха и всю Вторую мировую войну. После войны, много путешествуя по Западной Европе и Ближнему Востоку, она вдохновляюще действовала на оставшихся в живых нацистов и способствовала формированию неонацистского движения, поддерживая связи между лидерами ультраправых. Именно она в своих книгах создала образ «эзотерического Гитлера» (Goodrick-Clark 1998).

Живя в Индии, Портас приняла имя Савитри Деви в честь женской инкарнации солярного божества. Она видела в индуизме единственного живого потомка древнего индоевропейского язычества. Поэтому она полагала, что именно Индия более других стран была готова к усвоению нацистского язычества. Мало того, она разрабатывала там панарийскую доктрину, способную охватить весь мир путем распространения индуизма и «расового возрождения», начало которому положил германский нацизм (Goodrick-Clark 1998: 41–42, 61–62). В 1939 г. она опубликовала свою книгу «Предупреждение индусам», где пыталась пробудить индусское самосознание, апеллируя к индийской цивилизации как основанной исключительно на индуизме и его ценностях, отвергавших антропоцентризм. Она прославляла индуизм и восхищалась его красочными церемониями, видя в них проявление «арийского культа». Она также предупреждала об опасности, связанной с ростом численности мусуль-

манского населения, и убеждала индусов ни в коем случае не порывать со своими древними традициями, указывая на «жалкую участь» христианской Европы. Отмечая, что христианство с его идеями равенства и свободы было принесено в Европу рабами и варварами, она рекомендовала отказ от кастовой системы во имя укрепления индусского единства. В то же время в своих лекциях в Калькутте она пропагандировала идеи нацизма и, по рекомендации своего индуистского наставника, изображала Гитлера в виде инкарнации Вишну (Goodrick-Clark 1998: 52–58, 110).

Вернувшись во Францию в 1946 г., Савитри Деви опубликовала книгу о солнечной религии фараона Эхнатона, где пыталась показать, что начиная с эпохи Возрождения мрачный христианский период стал отступать, освобождая место пробуждавшемуся духу античных эллинов. Однако секулярный гуманизм современного общества ее тоже не устраивал. Ему она предпочитала «религию расы» и призывала к «солнечной религии», к которой когда-то шел Эхнатон. В этой книге откровенная мизантропия сочеталась с гимном природе и призывом защищать права животных. На взгляд писательницы, спасти природу могли только арийцы с их «расовым духом».

Затем в 1950-х гг. Савитри Деви написала книгу, основанную на индийских представлениях о Золотом веке и циклической смене эпох. Она доказывала, что лишь этот индийский подход позволяет проникнуть в суть национал-социализма. Наблюдая разруху в послевоенной Германии, она убеждала, что упадок эпохи *Калиюга* скоро закончится и снова наступит Золотой век. Она прославляла Гитлера как героя, мужественно боровшегося за его приближение, причем Нюрнбергские законы и звериный антисемитизм она трактовала как попытку возрождения арийской кастовой системы. При этом в ее изображении Гитлер выглядел *аватаром*, то есть посредником между людьми и Богом. А эсэсовцы заставляли ее вспоминать о *кшатриях* с их суровым военным кодексом чести. В то же время в манихейских тонах она противопоставляла арийцам евреев, которые якобы тоже стремились к мировому господству, но прибегая для этого к самым коварным приемам. Для нее евреи были главным разлагающим ферментом эпохи *Калиюга*, приводившим к распаду все, к чему ни притронется. Поэтому в действиях Гитлера она усматривала божественную миссию (Goodrick-Clark 1998: 111–125).

Так Савитри Деви стала первой, кто попытался объяснять нацизм с эзотерических позиций. Именно она открыла неонацистам путь к оккультизму и движению зеленых, позволив им занять место в рамках модного нью-эйдж. Впрочем, она не ограничивалась одной лишь сферой идей. Во второй половине 1940-х и в 1950-х гг. она много путешествовала по Европе и Ближнему Востоку, заводя знакомства среди бывших нацистов и налаживая контакты между ними. Поэтому вовсе не случайно в 1962 г. она оказалась среди основателей неонацистского Интернационала, главной заботой которого теперь стала проблема иммиграции (Goodrick-Clark 1998: 187–189). Именно благодаря этим контактам, Савитри Деви смогла широко популяризировать свою мистическую версию нацизма среди крайне правых, которым это пришлось по вкусу. Так ее взгляды, включая отрицание Холокоста, стали хорошо известны и были растиражированы многочисленными писателями как в Западной Европе, так и в США.

Одним из таких писателей стал бывший чилийский дипломат Мигель Серрано, большой поклонник Гитлера и приверженец доктрины «эзотерического гитлеризма» (Goodrick-Clark 1998: 219–222). Он утверждал, что Гитлер счастливо избежал смерти в 1945 г. и на летающей тарелке перебрался в Антарктиду, где якобы располагались подземные нацистские базы. Серрано также повествовал об истории разных рас, создававшихся поочередно космическим Демиургом (Иеговой, или Яхве). В книгах Серрано высшими существами выступают гиперборейцы, обладавшие необычайными мудростью и могуществом. Якобы они вступили в войну с механическим миром, созданным Демиургом, в результате чего на Север-

ном полюсе возникла вторая Гиперборея, куда из космоса прибыли боги во главе с Вотаном, чтобы навести на Земле порядок. Это был Золотой век, когда гиперборейцы выступали учителями «низших рас» – черной, желтой и красной, – выводя их из полуживотного состояния. Но, забыв о «чистоте крови», некоторые гиперборейцы начали смешиваться с «дочерьми человеческими», что привело к катастрофе и потере Земного Рая. После падения Луны на Землю чистокровные гиперборейцы отправились прямехонько на Южный полюс, а другие в виде кроманьонцев постепенно отступали на юг, спасаясь от ледника. Сам континент Гиперборея погрузился в недра полой Земли, где гиперборейцы восстановили священный порядок в своих подземных городах Асгартхе (Асгарде) и Шамбале. Затем они начали изнурительную борьбу с Демиургом (Яхве), «хозяином этого мира», несущим лишь разложение. На стороне Демиурга выступает созданная им «антираса» (биороботы), представленная евреями, плетущими заговор против гиперборейцев. Орудиями такого заговора служат христианство и масонство, сознательно исказившие исконные арийские знания. Серрано объявлял христианство врагом арийской расы. Якобы именно с христианством и масонством боролись вначале рыцари-тамплиеры, а затем эсэсовцы, чтобы уберечь мир от деволюции. В книгах Серрано значительное место занимают неоиндуистские понятия – чакры, астрал, йога, третий глаз – вперемешку с магией рун. Здесь находит место и отождествление евреев с «химерой». Гиперборейцы оказываются лишенными телесности и открываются лишь тем, чья кровь сохраняет память о древней «белой расе» (см., напр.: Серрано 1994. Об этом см.: Godwin 1993: 70–73; Goodrick-Clark 2002: 180–189). Вплоть до самой смерти Серрано пользовался большим уважением у молодых неонацистов, озабоченных расистской идеологией белого господства, а сегодня его идеи тиражируются некоторыми московскими журналистами (см., напр.: Кашницкий 2009а).

Свастика – от солярного символа к нацистскому знаку

Остается сказать несколько слов о свастике, унаследованной нацизмом от австрийской ариософии. Свастика издавна служила важным религиозным символом в различных регионах мира. Ее нетрудно найти в самых разных культурах Евразии, Африки и даже в доколумбовой Америке. При этом у нее было много разных значений. В переводе с санскрита «свастика» означает «удачу», «успешное будущее». Ее связывали с добрым предзнаменованием, процветанием, плодородием, оберегом от злых духов и долгожительством. Одновременно она могла быть символом огня, молнии или небесных тел. Свастика играла большую роль в древнем индоиранском мире. В греко-римской Античности изображения свастики также пользовались популярностью. Ранние христиане нередко поклонялись в своих катакомбах свастике[37], и лишь в IV в. при императоре Константине официальным символом христианства стал крест. Свастика имела широкое хождение и в древнегерманском мире.

Разнообразные формы свастики можно встретить в буддизме, индуизме и джайнизме. Например, в японском буддизме встречаются как левосторонние, так и, реже, правосторонние свастики, как четырех-, так и трехпалые. Индуистская традиция ассоциирует правостороннюю свастику с солнцем; там свастика является знаком Вишну и символизирует космическое колесо, выражающее идею эволюции вокруг неподвижного центра. Одновременно правосторонняя свастика ассоциируется с мужчинами. Зато левосторонняя свастика служит женским символом и связывается с осенним и зимним солнцем, неблагоприятным для мужчин знаком. Поэтому в народной индуистской традиции правосторонняя свастика рассматривается как оберег, и ее можно видеть на входах в храмы, на дверях домов и при входе в стойла (Godwin 1993: 147–149; Solomos, Back 1996: 147–149). Кроме того, сегодня в традиционных сельских ритуалах в Индии свастика связана с астрологическими представлениями и служит защитой от несчастий (Freed, Freed 1980). Но в буддизме почитанием пользуется левосторонняя свастика.

В первобытности свастика встречалась в Месопотамии и в Палестине. Древнейшее изображение свастики происходит из Арпачии халафской эпохи (5-е тыс. до н. э.), а самое раннее изображение пятиконечной звезды было обнаружено на одном из глиняных сосудов из Джемдет Насра (конец 4-го тыс. до н. э.) – их сейчас можно видеть в Музее Ашмолиум в Оксфорде. Свастику использовали даже древние израильтяне, как свидетельствуют исследования развалин синагог Эдд-Дикке у озера Киннерет (Solomos, Back 1996: 149).

Использовавшаяся еврейским каббалистическим учением, свастика была заимствована масонами, а масонская символика в сочетании с буддистской традицией в свою очередь оказала влияние на оккультные и теософские учения конца XIX в. Неравнодушная к оккультизму, императрица Александра Федоровна носила оберег в форме свастики и ставила ее изображение на своих предсмертных письмах из Тобольска (Rollin 1939: 61–62; Замойский 1990: 182). Из тех же источников свастику позаимствовало и Временное правительство, изображавшее ее на некоторых российских купюрах в 1917 г. Эта традиция сохраняла свое значение даже в первые советские годы, когда свастика продолжала встречаться на бумажных денежных купюрах (Godwin 1993: 51–52). А во время Первой мировой войны свастика фигурировала и на некоторых английских финансовых документах (Godwin 1993: 148). Следует отметить, что в теософской символике свастика мирно уживалась со звездой Давида и лишь германские антисемиты и нацисты сделали их символами расового антагонизма (см., напр.: Weissmann 1991b, S.135, Taf. XI).

[37] Например, изображение свастики было обнаружено на мозаике в церкви Рождества в Вифлееме (Rollin 1939: 69).

С арийской традицией свастика оказалась связанной после раскопок в Трое, проведенных Генрихом Шлиманом, который отождествил троянцев с «фракийцами-тевтонцами» и провозгласил свастику «арийским символом» (Goodrick-Clark 1998: 23–24, 34). В 1889 г. в Париже польский библиотекарь М. Змигродский организовал выставку, призванную продемонстрировать неразрывную связь между свастикой и древним арийским наследием (Quinn 1994: 22–25). Затем свастика нашла почетное место в популярной книге немецкого писателя Эрнста Краузе, откуда ее и позаимствовали деятели немецкого «народнического национализма». Именно после этого она стала едва ли не излюбленным символом австрийского ариософа Гвидо фон Листа. Его последователь, поэт Альфред Шулер, распространял его учение в Мюнхене, положив его в основу своих лекций, пропагандировавших гремучую смесь из идей национального пробуждения, конспирологии и антисемитизма (о нем см.: Васильченко 2008: 350–384). Именно он принес ариософскую идею свастики в Германию, сделав ее стержнем своей антисемитской поэмы «Эпилог Яхве-Молоха». Там свастика изображалась тевтонским символом солнца, якобы выражавшим внутреннюю сущность немецкого народа. Свастика понравилась лидерам ряда немецких ультранационалистических организаций типа созданного в 1912 г. Ордена тевтонцев и вольсунгов, сделавших ее своей эмблемой. Тогда под эгидой Германского ордена начал выходить журнал «Руны», обложка которого была украшена свастикой. А еще раньше, в 1907 г., Ланц фон Либенфельс поднял флаг со свастикой над своим замком в Австрии (Гудрик-Кларк 1995: 123; Phelps 1963: 250; Solomos, Back 1996: 147).

После окончания Первой мировой войны свастика приобрела необычайную популярность в Германии у антисемитски настроенной молодежи. И в 1919 г. прусскому министерству образования даже пришлось пойти на ее официальное запрещение. Полагают, что именно в это время молодой Гитлер был захвачен лекциями Шулера. Нацистская партия сделала свастику своим символом в августе 1919 г. с подачи зубного врача Фридриха Крона, чью богатую домашнюю библиотеку прилежно посещал Гитлер. Позднее, находясь в заключении после неудавшегося Пивного путча, Гитлер писал: «Как национал-социалисты мы связываем нашу программу с нашим флагом. Красный цвет на нем означает социальную идею движения, белый – националистическую идею, свастика заключает идею борьбы за победу арийского человека, а также… победу идеи созидательного труда, которая как таковая всегда была и будет направлена против семитов» (Hitler 1971: 497. Об этом см.: Quinn 1994: 4; Weissmann 1991b: 135–137; Solomos, Back 1996: 149).

При нацистском режиме свастика стала официальным символом Третьего рейха и использовалась в самых разных комбинациях, как это было на огромном стадионе в Нюрнберге, где регулярно проводились массовые парады. Знак свастики изображали в когтях орла, с которым нацистская идеология связывала героические качества, свойственные «истинному арийцу» (Quinn 1994; Solomos, Back 1996: 150). Именно этот смысл придают свастике и нынешние правые радикалы. В частности, Серрано изображал свастику символом «утраченной расовой чистоты», символом героев, стоящих за возвращение Гипербореи (Серрано 1994).

Глава 4
Источники и корни русского «арийского мифа»

Национализм и ностальгия по далекому прошлому

Хорошо известно, что представления о прошлом играют большую роль в национальной идентичности. Однако в данной книге речь идет не о прошлом вообще, что было бы неудивительным, ибо это характерно для самых разных типов национализма, а о весьма отдаленном прошлом, о котором и ученым-то не так уж много известно. В чем причина этого увлечения?

Сравнительный анализ показывает, что народы, испытывавшие в прошлом жестокий колониальный гнет, вынуждены искать славные страницы своей истории в весьма отдаленных эпохах, причем чем дольше существовал колониальный режим, тем с более далеким прошлым они связывают существование Золотого века. А в том, что он когда-то существовал, у них сомнений нет. Так, духовные лидеры многих нерусских народов бывшего Советского Союза относят свое славное прошлое к периоду, предшествовавшему русской колонизации (см., напр.: Шнирельман 1999в; 2006; Shnirelman 1996a). Те народы, судьба которых складывалась не гладко и до присоединения к России (грузины, армяне), углубляются еще дальше в историю: грузины обращаются к временам царицы Тамары, а армяне – к эпохе Тиграна Великого (Шнирельман 2003). Наконец, те народы, средневековая история которых слабо представлена в письменных источниках и/или небогата «великими» достижениями (народы Северного Кавказа, многие тюркские народы и пр.), склонны искать своих предков среди прославленных народов древности (шумеров, древних иранцев и т. д.), для чего обращаются к древнейшим письменным источникам, а также к современным достижениям сравнительно-исторического языкознания и археологии (Шнирельман 2006; 2009а). Весьма показательный пример в этом отношении представляют афроамериканцы, в последние десятилетия создающие или, что правильнее, изобретающие версию, согласно которой древнейшие цивилизации мира (от Египта и Шумера до Китая и Мезоамерики) были созданы чернокожими (Sertima 1985)[38].

Возникает вопрос, какое отношение все это имеет к русским, чья история более чем богата разнообразными коллизиями и которые в течение последних веков построили могущественное государство? Оказывается, имеет, ибо для радикальных националистов, завороженных идеей космического еврейского заговора, включающего якобы и искусное манипулирование с христианством, вся эпоха православия на Руси представляется одной большой черной дырой. Не спасает положение и короткий языческий период Киевской Руси, ибо ему предшествовал период, когда некоторые восточнославянские племена были данниками хазар. И хотя киевские князья-язычники, в особенности Святослав, сумели от этого освободиться и даже ухитрились разгромить когда-то могущественный Хазарский каганат, это не освобождает русских радикалов от чувства горечи по поводу «еврейского засилья» на заре русской истории. Иными словами, средневековая история не дает им желаемого удовлетворения деяниями предков. Кроме того, христианская церковь всегда стояла выше национальных различий и стремилась к интернационализации своей паствы. Поэтому современная этнонациональная идея плохо уживается со стремящимся к денационализации

[38] Об анализе этого явления см.: (Williams 1991: 254; Haslip-Viera, Ortiz de Montellano, Barbour 1997; MacDonald et al. 1995: 5–7; Lefkowitz 1997; Shavit 2001).

христианством. И, наконец, призывая к смирению, христианство разоружает этнонационалистов, которым в борьбе за власть требуются совершенно иные качества – агрессивность, смелость, жертвенность, готовность к кровопролитной вооруженной борьбе, нетерпимость к «врагам нации» и пр. (об этом см., напр.: Яворський 1992; Баркашов 1994а), то есть те качества, о которых когда-то писал Ницше.

Вот почему у радикальных националистов обнаруживается такая поистине ненасытная страсть к первобытности, когда славяне якобы пребывали в девственной чистоте, не были еще развращены внешними влияниями и, следовательно, могли быть носителями совершеннейшей в мире идеологии и, руководствуясь ею, вести успешные войны с врагами и совершать великие подвиги. Откуда же наши националисты-неоязычники черпают материалы об этой эпохе? Во-первых, в течение двух-трех последних десятилетий они открыли для себя целый пласт славянофильской исторической литературы («славянская школа») XIX в., которая из-за своей очевидной методической слабости уже тогда подвергалась суровой критике (Васильевский 1882; Веселовский 1882) и с тех пор стала исключительно историографическим достоянием нашей науки (Пичета 1923; Рейтблат 2003). Во-вторых, они пользуются псевдоисторическими сочинениями русских и украинских эмигрантских авторов-дилетантов (Ю. П. Миролюбов, С. Лесной, Ю. Г. Лисовой, Л. Силенко, С. Ляшевский и др.). В-третьих, их настольным пособием служит вышедшая из этой среды поддельная так называемая «Влесова книга». В-четвертых, они опираются на некоторые «исторические труды», написанные рядом советских авторов в шовинистическом угаре конца 1940-х – начала 1950-х гг. В-пятых, они с готовностью подхватывают из научно-популярной литературы устраивающие их данные, полученные археологами и лингвистами уже в наше время. Ну и, наконец, в-шестых, энергично протестуя против названия «фашистов» (Авдеев 1994: 163; Беляев 1995: 17; Перин 1995; Родные просторы, 1993, № 3: 18), они не брезгуют пользоваться откровенно нацистскими этнологическими и расовыми теориями, популярными в Германии при Гитлере.

Определенный интерес представляет и тот факт, что отождествление евреев с символом Мирового Зла не мешает идеологам неоязычества пользоваться некоторыми идеями выдающихся еврейских мыслителей, пытавшихся искать нетривиальные объяснения ряда неясностей в еврейской истории. Например, в неоязыческой литературе популярна идея о том, евреи были якобы специально созданы то ли египетскими жрецами, то ли инопланетными Учителями, то ли просто «Темными силами» для выполнения некой глобальной миссии. Откуда же взялась эта идея? Ее корни уходят к концу 1930-х гг., когда Зигмунд Фрейд пытался постичь загадку монотеизма. Ему казалось, что она легко разрешается, если предположить, что Моисей был египетским жрецом, последователем фараона Эхнатона, безуспешно пытавшегося ввести в Древнем Египте культ единого бога Амона[39]. Смерть Эхнатона положила конец этому начинанию. Но, по мнению Фрейда, египтянин Моисей мог попробовать спасти дело, привив новую религию другому народу и наделив его соответствующими тайными знаниями (Фрейд 1993). При всей своей оригинальности эта идея не нашла места в современной науке. Специалисты считают книгу о Моисее одной из самых слабых работ Фрейда (Moscovici 1985: 220). Но ею с благодарностью воспользовались антисемиты для того, чтобы изобразить евреев искусственно выведенным «зомбированным» народом, этакими «биороботами», чья миссия якобы заключалась в служении силам Зла.

[39] Эта идея имеет масонские корни. См., напр.: (Clavel 1843).

«Славянская школа»

У истоков славянской школы стояли М. В. Ломоносов и ряд славянских просветителей начала XIX в. Всеми ими двигало желание «восстановить справедливость», продемонстрировав, что славяне были ничуть не моложе и ничуть не менее цивилизованными, чем народы Западной Европы. Тем самым они стремились защитить честь и достоинство своих стран или народов, доказать их право на равное с народами Запада место в мировой истории и, следовательно, в мировом сообществе. Всех их оскорбляло, как им казалось, пренебрежительное отношение господствовавшей тогда в исторической науке немецкой школы, считавшей древних славян дикарями, которым германцы несли свет учености. В свою очередь немцам эта последняя концепция служила оправданием их экспансии на восток, покорения или даже уничтожения многих славянских общин в западных районах славянского мира. Так что научный спор имел серьезную политическую подоплеку.

Ломоносов выступил против немецкой концепции становления Русского государства в середине XVIII в., когда в российской науке и, шире, в российском государственном аппарате немецкое влияние было очень сильным. Эмоциональный порыв Ломоносова отражал общие настроения «русской партии», недовольной немецким засильем (Забелин 1908: 56 сл.). Деятельность Ю. И. Венелина и З. Доленга-Ходаковского приходилась на 1820 – 1830-е гг. Оба они были выходцами из тех славянских народов, которые вплотную сталкивались с тяжелым чужеземным гнетом, приводившим к упадку местных культурных традиций, нищете и невежеству подавляющего большинства населения. Венелин был карпатским русином, чья просветительская деятельность сыграла большую роль в возрождении болгарского народа (Пыпин 1890: 362–363; Безсонов 1856; Молнар 1856; Никулина 1989). Доленга-Ходаковский происходил из белорусской земли, входившей в недавнем прошлом в состав Польского государства. Он сражался в войсках Наполеона за свободу крепостных крестьян, а после поражения французов стал истовым пропагандистом общеславянской общности (Зілинський 1963; Малаш 1990).

По разным причинам все такие авторы обращались к дохристианскому периоду жизни славян. Ломоносов пытался доказать случайность и незначительность варяжского эпизода на Руси, где, как он полагал, государственность возникла до варягов и где имелись длительные традиции высокой культуры, сложившейся и развивавшейся помимо каких-либо влияний извне (Ломоносов 1952). Доленга-Ходаковский настойчиво проводил мысль о том, что история и цивилизация славян имели глубокие дохристианские корни, что славяне являлись особым культурным миром. Он впервые предпринял попытку дать детальную характеристику образа жизни и духовной культуры славян языческого периода, тем самым заложив основы славянской археологии, этнографии, фольклористики и языкознания (об этом см.: Малаш 1990). Венелин первоначально ставил перед собой более узкую задачу – пробудить самосознание болгарского народа. Именно ради этого он пускался на поиски великой болгарской предыстории, что неизбежно заставляло его затрагивать вопросы древнего общеславянского единства и его культуры (Венелин 1856а; 1856б).

Иначе говоря, создателями «славянской школы» двигал прежде всего эмоциональный задор, направленный против того, что оскорбляло их национальные чувства. В методологическом плане они были достаточно беспомощны, многие их аргументы звучат для современных специалистов наивно и неубедительно. Однако они были первопроходцами, и их смелые построения ставили интересные проблемы и открывали новые направления исследований. Вместе с тем их последователи, которые и сформировали окончательно «славянскую школу», постепенно отходили все дальше и дальше от магистрального пути развития науки и погружались в пучину беспочвенных фантазий, руководствуясь исключительно

этноцентристской славянофильской идеей. В свое время В. И. Пичета характеризовал эту школу как «сильную своим национально-патриотическим шовинизмом, но весьма далекую от настоящей науки» (Пичета 1923: 118). Даже такой русский патриот, как И. Е. Забелин, относился к этой школе весьма скептически и писал о смехотворности многих ее «достижений» (Забелин 1908: 38–39).

Тем не менее построения «славянской школы» с готовностью подхватили современные творцы «славяно-арийского мифа». О каких идеях, выдвинутых этой школой и вскоре полностью опровергнутых наукой, идет речь? Прежде всего о поисках славян повсюду на огромных территориях даже в глубочайшей древности, для чего славяне искусственно отождествлялись с самыми разными народами, известными по ранним письменным источникам, – с троянцами, скифами, сарматами, роксоланами, готами, гуннами, древними тюрками-болгарами, вандалами, варягами и даже этрусками.

Корни таких взглядов уходят к самым истокам русской историографии – к Синопсису, весьма популярному в России со второй половины XVII и до самого начала XIX в., когда он представлялся русским интеллектуалам наиболее основательным источником сведений о Древней Руси и происхождении славян (Формозов 1992). Именно оттуда черпал сведения Ломоносов, писавший о родстве русских с роксоланами и сарматами. Он же выводил древнейших славян («венедов») из Трои. Ломоносов, а за ним и Венелин отождествляли древних болгар-тюрков Причерноморья и Поволжья со славянами. Отрицая скандинавское происхождение названия «русь», представители «славянской школы» искали его истоки повсюду и во все мыслимые и немыслимые эпохи. Ломоносов даже воспроизводил версию Степенной книги о том, что Рюрик происходил из пруссов, якобы находившихся в родстве с римскими императорами. Между тем Степенная книга была составлена в Москве в XVI в. специально для того, чтобы легитимизировать власть московского царя и доказать происхождение его титула напрямую от императора Августа (Забелин 1908: 140). Именно Ломоносов впервые высказал мысль об исконной связи русов с островом Рюген, расположенным на Балтийском море. Венелин относил к славянам ираноязычных скифов и сарматов и тюркоязычных гуннов, восхищаясь подвигами якобы славянского вождя Аттилы. Он делал это для того, чтобы показать славян одним из древнейших народов Европы. Кроме того, он изобрел некую «гунно-аваро-хазарскую державу», назвав ее «царством русского народа». С Венелина началась и традиция отождествления этрусков со славянами и утверждения приоритета их письменности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.